

НЕВСКИЙ ЗРИТЕЛЬ

*
1821.

КНИЖКА IV

НЕВСКИЙ ЗРИТЕЛЬ.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

АПРѢЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Въ Медицинской Типографіи.

1821 ГОДА.

Печаташь позволено: съ тѣмъ, чптобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ Апрѣля 6 дня 1821 года.

Цензоръ Стат. Сов. и Кав. Ив. Тилковскій.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

страниц.

I. ИЗЯЩНАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

а) ПРОЗА.

Дорожные записки на возвратномъ пути изъ Ревеля	1.
Погребеніе дѣвицы	24.

б) СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отрывокъ изъ Трагедіи Вольперовой:

<i>Магометь</i>	35.
Преложеніе 103 Псалма	44.

Басни.

1. Свинья и хомякъ	48.
2. Осель	49.
3. Двѣ книги	50.
Эпиграмма	51.

II. ПРАВЫ.

Госпиной дворъ	52.
--------------------------	-----

III. КРИТИКА.

Разборъ Трагедіи Андромаха, переведенной съ Французскаго Графомъ Д. И. Хвостовымъ	59.
---	-----

IV. СМѢСЬ.

Письмо къ Издашелямъ Невскаго Зришеля	86.
Музыка	92.
Объ Иностранныхъ театрахъ	95.
Разныя извѣстія	99.
Объявленіе	100.

НЕВСКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

ИЗЯЩНАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

А) П Р О З А.

а) ДОРОЖНЫЯ ЗАПИСКИ НА ВОЗВРАТНОМЪ ПУТИ ИЗЪ РЕВЕЛЯ (*).

---

*Станція Лообъ. Въ 70 верстахъ отъ Ревелл.
12 часть ночи. 7 Января.*

Для чего взоры не могутъ пронзять шуманную даль въ слѣдъ за быспрокрылою мыслью? погда бы въ глазахъ моихъ прочипали вы, друзья опдаленные, все что опражаешся въ нихъ волненіемъ сердца, все что душа чувствувешъ, воображеніе обнимаешъ, и слово не можешъ выразишь. Пущь молнія увьешъ перо мое, пущь слѣдъ его вспыхнешъ огненными черпами — и погда

(*) Отпрывокъ изъ печатающейей книги: *Поѣздка въ Ревель* А. Беспужева.

еще выраженіе будетъ слабымъ опголоескомъ, однимъ призракомъ чувствъ не выразимыхъ! Мысли сверкнувъ исчезають, какъ исчезаетъ на долинь мгновенная тѣнь сокола поднебеснаго.

Часто, какъ шеперь, думы исполинскія и бурныя чувства роятся въ груди и въ головѣ моихъ. Гнѣвъ, воспомнанія, надежды, мечты вливаются, тѣснятся, рвущая въ душу мою вмѣстѣ и порознь, то услаждая, то терзая ее. Но гдѣ найду я ноты сердечныя, что бы изобразить всѣ оптѣнки, всѣ измѣненія, всѣ звуки ощущеній моихъ? . . . О, если бы это холодное письмо, подобно лдяному зеркалу собирающему лучи свѣта, могло собрать лучи оныхъ, — опразить мои чувства на сердца ваши и предшавить вамъ хотя блѣдное ихъ изображение. . . . .

Но куда увлекла меня Фанпазія? Обѣщая вамъ описывать что было и есть наяву, я хотѣлъ уже нарисовать мушныя сновидѣнія разума! — Вотъ сущность:

Не охотно опкрылъ я сего дня глаза мои, и снова закрылъ ихъ, какъ бы желая рѣсницами уловить сонъ минувшаго. — Не

радосно, друзья мои, разспавались съ людьми гостепріимными, съ знакомствомъ новымъ, съ мѣстомъ, гдѣ ничто не мрачило веселости нашей! — грустно прощались и можешь быть навсегда, едва вблизи обознавшись, съ предметами; но какъ бы ни было, мы собрались къ выѣзду изъ дома Генерала. Друзья и сродники, знакомыя и знакомцы съѣхались проводить любезнаго хлѣбосола Ревельскаго, который съ одною изъ дочерей своихъ отпралялся въ Пешербургъ вмѣстѣ съ нами. Изъ за-стола, — за которымъ много разговаривали и мало ѣли, за которымъ шумѣло возмѣяніе въ честь Эрмія — хранишеля дорогъ, чптобы онъ даровалъ намъ путь счастливой, гдѣ шупись кто умѣлъ и смѣялся кто былъ въ расположеніи — изъ за-стола поднялись въ 3 часа. Повозки звенѣли и скрыѣли предъ крыльцомъ. Всѣ говорили „нора“ и всѣ мѣдмили; порученія сыпались со всѣхъ сторонъ, на конецъ волею и неволею надобно было ѣхать, чпто бы въ темнотѣ не заблудиться на опасной дорогѣ, первой станиціи. Съли въ комнату по обычаю старинны Руской — вешали, помоллись Пенатамъ до-

машинимъ, я сжалъ руку новымъ друзьямъ своимъ, бичъ хлопнулъ — и чрезъ полминуты въперъ донесъ къ намъ послѣднее „прощайше,“ на шрехъ нарѣчїяхъ посланное.

Проѣхавъ Екатерининшаль, я оглянулся на Ревель: онъ гордо вздымалъ увишья вечернимъ туманомъ спѣсны и колокольни свои; солнце падая за нимъ въ море, ярко обрисовывало громаду башенъ и шпицовъ, подпирающихъ горизонтъ. Мало по малу въ отдаленіи исчезли опшѣнки зданій, все сливалось въ одну сумрачную краску на заревѣ — и вдругъ весь городъ скапился за черпу зрѣнія, прегражденнаго горою. Еще однажды мелькнули главы Вышегорода изъ-за холмовъ Лаксбергскихъ, въ послѣдніе бросилъ я взръ на нихъ, на закапъ сліяннаго съ землею неба — и завернулся въ шинель свою. Тихо скользили сани наши по излучистой и узкой дорогѣ, завѣянной недавними выюгами, — лошади грузли въ рыхломъ снѣгу; однозвучный ихъ топотъ, единообразное колебаніе саней, навели на меня какую-то грустную дремоту. Лай собаки, — одинакаго спража Эстонской хижины пробудилъ меня, луна вспавала изъ за сельска-

го храма, и серебряною дымкой волновались подъ ней легкіе пары.

Здѣсь мы ужинали и ночуемъ. Все спишь, кромѣ пера моего, лампада меркнешь, дымишься, угасаешь; довольно. —

8 Января. Стенція Педрусъ.

Едва зарумянилась упренняя звѣздочка на краю неба, мы уже скакали далѣе и далѣе. Встало солнце; зимній вѣперокъ свѣваль иней съ вѣшокъ опущенныхъ снѣжинками, дымъ съ низкихъ хашъ розовыми клубами сплался по вѣпру; болпливыя сороки прыгали на кровляхъ, щуры порхали по дорогѣ, дяшлы вились по изгородамъ; — спранная нипь мыслей человѣческихъ! — спужкомъ своимъ они напомнили мнѣ бѣгство Игоря изъ плѣна Половецкаго, когда невѣдомый пѣвецъ провожаетъ его къ Донцу дружелявному, гармоническою пѣснію своею. Все споспѣшествовало, говоритъ онъ, предпріятію Князя: „Сороки не спрѣкопаша, „по лозамъ ползоша шолько. Дяшлове „шкпомъ цупь къ рѣцѣ кажущь.“ Перечипавъ пазуспѣ нѣсколько опрывковъ изъ Поэмы „*Полодѣ Игоря на Половецѣ*“ въвиду Везенберга (по Руски Раковора) мнѣ ка-

залось, что я совершилъ призыву храбрымъ соопшчичамъ моимъ, павшимъ на сихъ поляхъ, или подъ его снѣгами.

Большая часть Эстоніи, исключая округовъ: Венденскаго, Ревельскаго и Нарвскаго, плоска, хотя и возвышенна. Однѣ только рывины, вѣроятно бывшія по сотвореніи міра ложеи рѣкъ быспрыхъ и глубокихъ, оживляютъ единообразіе Природы. Кто знаешь, можешь быть невѣдомыя племена плавали на ладьяхъ, шамъ, куда мчашся теперь сани мои — гдѣ льшомъ блещешь ко-са Эстонца? . . .

Сколько я могъ замѣнить на пропашинахъ скаль, породы составляющія почву Эстоніи, наиболѣе принадлежатъ къ 5 Эпохѣ осадки химической (Flotz — Zeit). Къ Ревелю, всё поля покрыты ломаными для продажи плитами извѣстняку, который всегда состоить шамъ изъ горизонтальныхъ слоевъ, рѣдко съ механическою примѣсью глины перемѣшанныхъ. Ближе къ Нарвѣ земля, какъ и въ окрестностяхъ Пеллербурга усѣяна гранишными обломками, округленными силою воды, изрѣдка глейсомъ, въ знакъ пребыванія края сего дномъ Оке-

ана. Самая высокая гора въ Ливоніи естъ *Везенбергъ*, на копорой стоить того же имени замокъ. Она возвышается надъ морскою поверхностью, (на 1260 фушь.) Дурныя и ускія, по малочисленности проѣзжихъ, дороги здѣшнія, мѣлкія лошади и негодная упряжка зимняя — гуськомъ, дѣлають путешествіе наше не слишкомъ пріятнымъ. — Ксѣпаші о почтахъ: еще Карль IX предлагалъ дворянству Лиеонскому устроить почты и корчмы. Последнее оно исполнило, но регулярныхъ почтъ не было до 1639 году. До тѣхъ поръ вольные или нарочные гонцы перевозили письма, а переѣзды наиболѣе совершались верхомъ.

Станція Варгель. 4 часа по полудни.

За чашкою соленого шоколада, копорый хозяйка сварила намъ на кисломъ молокѣ, пишу упренній разговоръ мой съ брашомъ.— Было тепло и солнечно, когда мы выѣхали съ почтоваго двора, но дума и разсѣянность мелькали на лицѣ моемъ. „О чемъ ты задумался! спросилъ меня усмѣхаясь брашь „мой, не новая ли кришка занимаетъ ше- „бя?“ —

Я. Развѣ ты воображаешь, что я могу, какъ странствующій Триспрамъ Шанди пришивать періоды къ несочиненнымъ еще сочиненіямъ? Благодаря судьбѣ я не обязанъ думать впередъ о пвореніяхъ, о копорыхъ вовсе не думали ихъ пворцы.

Онѣ. Вольно же тебѣ выбирать подобныя мѣлочн. — Если, какъ ты называешь „шестое чувство пвое, п. е. вкусъ эстетической“ превратилось въ необходимость крипиковать, почему не выберешь предмета достойнаго труда, полезнаго для Литтературы?

Я. Во первыхъ, во вторыхъ и въ третьихъ пошому, что я еще не надѣюсь на свои силы; при томъ лѣнь, разсѣяніе и служба дѣляютъ время мое, „до завтра“ — говорю я каждый день — и проходятъ мѣсяцы, за что приходишь опышность. Далѣе, мыслю я, мнѣніе публики о лучшихъ современныхъ писателяхъ почти справедливо — пошому, на примѣръ: *Жуковскому* и *Крылову* едва ли прибавишь достоинства и прекрасная крипика, *А. Пушкина* и *Баратынскаго* не убьешь и дурная. — Но когда я вижу самозванцевъ-Поэшовъ рядомъ съ Папронами

нашего Парнасса, когда замѣчаю людей изъ коихъ одни хопящъ пробишь дверь славы мѣднымъ лбомъ самохвальства, а другіе проползшъ къ ней въ замочную скважину — въ то время кровь моя кипишь — и вопъ въ зеркалѣ крипки Мидасъ любуется своими ушами копорыхъ бы онъ не увидѣлъ иначе.

Онъ. Спранный ты человекъ! доказываешь по, о чемъ знаешь всякой, сколько нибудь одаренный здравымъ слысломъ; а глупцовъ не увѣришь никакою Логикою въ свѣтъ. Стоишь ли шруда вызывать ушопленниковъ Лешы и доказывать, какъ говорить Ривароль „что они *неизвѣстны* своими произведеніями? —

Я. Все это очень хорошо и не совсѣмъ справедливо. У насъ Гг. Авторамъ вѣряшъ часню на слово, а Литтературное имя подъ часъ купишь можно и завшпраками. Конечно знаюки не обманываются сусальною ихъ позолопою; но молодые люди, начинающіе писать, могутъ обольститься ложнымъ блескомъ, и тогда — прощай образованность! они уже вѣстники испорченна-

го вкуса — они ученики Фламандской школы Словесности.

Онб. Не надѣешься ли ты обратишь ихъ на путь истинный?

Я. По крайней мѣрѣ желая эшаго я имѣлъ полезную цѣль; никогда не скажу „мы пакали“, но шѣмъ не менѣе буду говорить правду.

Онб. Ты видѣлъ, что правда навлекла тебѣ многія неудовольствія.

Я. Это и бытъ не могло иначе. — Очень знаю, что многіе обрекли меня на оспрацизмъ не чинавши, иные воспали по знакомству съ моими антагонистами, другіе по инстинкту; шрешьи для магическаго слова: *такб.* — Пораженные вопіюшь на несправедливосшь, но гдѣ? на какой галерѣ найдешъ виноватаго? Эти господа сердятся даже, если вмѣсто пани сѣтъ, выпишешь изъ нихъ только двадцать дурныхъ стиховъ — а все изъ одной спрасти бышь еще разъ напечатанными, и дабы имѣть случай опъ чистаго сердца признаться публикѣ — что они Генім. Не пройдетъ недѣли и уже они развѣзжаюшь на палочкахъ самолюбія будшо побѣдителеи. Знаю и шо

что благодаря кришикъ мнѣ часто приписываютъ честь авторства всѣхъ безъименныхъ Литтературныхъ глупостей Петербурга, — наконецъ вижу, что многія особы изъ прекраснаго пола, по наслышкѣ, раздѣляютъ мнѣніе о моемъ мнимомъ злоязычии, и право думають будто я на каждую женщину гляжу какъ на новую комедію; но я ли виноватъ, что у многихъ изъ насъ до сихъ поръ слово: кришика, значитъ одно съ бранью?

Онъ. Не ты одинъ, но всѣ вы. За чѣмъ облекаешь разборы свои въ шуточную одежду и засѣваешь сужденія оныхъ оспрошамми, часто обидными?

Я. Послушай, mon cher! Всѣ люди сколько нибудь злы: чѣобы засѣвалишь ихъ чипать правду, надобно польстишь такой ихъ склонности, а сухая ученость не приправленная шушками никакъ не понравится юношескствующему вкусу публики, словомъ, вниманіе чипашелей надобно привлекать какъ электричество — оспрошамми.

Онъ. Опять новое сравненіе и новое прошивуръчіе; не ты ли говоришь про многихъ писакъ нашихъ: „они слишкомъ друж-

ны съ своимъ самолюбіемъ, слишкомъ вѣ-
ряя своимъ пріятелямъ, чѣобы дожить
до попомства,“ а самъ угождаешь прихо-
жамъ наспоющаго времени. Еще одно за-
мѣчаніе: сколько я вижу, себя не даромъ
упрекающъ въ излишесствѣ шутокъ въ сво-
ихъ рецензіяхъ и недаромъ говорящъ, что
гоняешься за оспроуміемъ.

Я. Помилуй, можно ли говорить съ сурьёз-
нымъ лицомъ о нелѣпостяхъ. — Чѣ до впо-
раго, увлеченный природною веселостью
можешь быть я шочно заслуживаю это
нареканіе; но самъ въ себѣ не виноватъ въ
изысканности.

Онѣ. Оспропа, другъ мой, будучи шѣною
отброшенной умомъ, освѣщеннымъ весе-
лостью, слѣдуетъ за нимъ когда онъ идетъ
своей дорогой; но бѣжитъ если умъ за нею
гонится, потому весьма легко оплчишь
оспропы напянутыя спѣ природныхъ; да-
же предположивъ, что я и публика вѣряя
тебѣ въ непринужденности — ты не ме-
нѣе упомишь вниманіе наше самыми забав-
ными; но многочисленными сравненіями, по-
тому что всякому ощущенію есть гра-
ницы.

Я. Foi d'un Journaliste, обещаюся исправиться и не обращаюся рецензій моихъ въ Арсеналь игрушекъ!

Онъ. Не лучше ли и совсѣмъ оставишь безплодное поле крипки, или, возвращаюся на прежнюю мысль, брось крипиковать пуспяки.

Я. А я опять повторю шебъ, что кого бы и какъ бы не разбирали, все таки, рано ли поздно ли это принесетъ пользу. Цѣль крипки естъ: выказываюся дурное и хорошее, а хорошее можетъ найписъ и въ забытыхъ фоліаншахъ *Боброва*, даже *Тредьяковскаго*. Между шѣмъ въ спорахъ крипическихъ образуеся вкусъ и правила языка принимаюся швердосъ. При первомъ дуновеніи здравой крипки, разлешаюся неумѣстныя похвалы друзей и неправая брань зависпниковъ, а сочиненіе съ вѣрною оцѣнкою падаеся въ руки любителей. — Конечно, всякому не мудрено ошибишься; не всегда сужденія крипки безгрѣшны, не всѣ мнѣнія могутъ быть общими; но въ такомъ случаѣ должны перевѣсипъ доказательства самыя удовлетворительныя.

Онѣ. У насъ совсѣмъ напрошивъ: мнѣніе большей часши, по твоей же тактикѣ склоняется на спорону послѣдней брани, потому что рѣдкой захочешь повѣрять чужіе толки; по крайней мѣрѣ я такъ думаю.

Я. А я въ томъ увѣренъ; однако, если пять человѣкъ изъ сотни чипающихъ разсудятъ о вещи, какъ должно — намѣреніе выполнено. Коротко сказать, кришика, не смотря на заговоры дробной шляхты Липшерапурной, обязана воздавать должному должное. Она какъ благошворный Ниль разливомъ своимъ испребляетъ вредныхъ насѣкомыхъ, освѣжаетъ атмосферу вкуса и плодотворишь юныя распѣнія, оспавляя на поляхъ Словесности. *Онѣ.* Песокъ. — *Я.* Пускай песокъ, только золотой. Однако оспавя всѣ выспренности и шупки, ты вѣрно сознаешься, что кришика была и будетъ краеугольнымъ камнемъ Липшерапуры.

Онѣ. И камнемъ прешкновения для кришковой. — Но

„Приѣхали, сказалъ извощикъ отряхавсь“

и пропягивая руку. — „Ней за здоровье кришики, сказалъ я ему давая гривенникъ.“
Видно она добрая барыня, ворчалъ кланяясь

Эстонецъ — и мы смѣючись вошли въ комна-
нашу почтоваго дома.

Нарва. 2 часъ ночи, 9 Января.

Наконецъ мы оставили за собою землю
бывшую, такъ сказать, бульваромъ народовъ
Сѣверныхъ спремившихся расхищать Рос-
сію. Ливонія, вѣчная жертва пришельцевъ,
воспихала для Исторіи кровавое воспоминаніе;
первыя извѣстія о существованіи
оной были уже не первыми ея бѣдами. Рус-
кіе и Дашчане, Поляки и Шведы проше-
кали съ опустошеніемъ изъ края въ край;

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

но опиврапимъ взоръ опъ ужасовъ, коимъ
сердце не даетъ вѣры вопреки уму; —
замки шягопившіе землю не существуютъ,
Феодализмъ лежишь подъ ихъ развалинами
покой оживляетъ Эстонию, и она мало по
малу собираетъ силы испощенныя семивѣ-
ковыми бѣдствіями.

Эстонія была обиаема наиболѣе Эспа-
ми (п. е. Чудью), Ливонія вообще — разно-

племенными народами по языку, однородными народами по образу жизни. Ливы и Лепшы (п. е. Лапыши) скоро соединились съ Нѣмцами для покоренія своихъ земляковъ и не избѣгли общаго рабства. Всѣ Ливонцы особенно Эсты, были народомъ грубымъ и безчеловѣчнымъ; часпо мужеспвеннымъ, всегда коварнымъ. Звѣроподобные въ домашнемъ быту, невѣжеспвенны до невѣроятія въ военномъ, они не знали ни броней ни каменныхъ укрѣпленій; забавно было предпріятіе *Селигаловъ*, веревками сплещишь въ Двину первый каменный замокъ, поспроенный *Мейнгардомъ*, проповѣдникомъ въ *Икскуль* (*Икескола*).

Ни одинъ *Скальдъ*, ни одинъ повѣствовашель изъ среды Ливонцевъ, не передалъ своего народа вѣкамъ позднимъ. Славные дѣла ихъ погасли съ зарею дней бывшихъ свидѣтелями оныхъ. — У враговъ ихъ Нѣмцовъ сохранились только не многія имена Героевъ Ливоніи. *Кобо*, сподвижникъ *Алберша* и *Дабрель* (изъ *Торсейды*, п. е. *Трейдена*) были воеводы Ливскіе. *Русинъ* (изъ *Сопекла*), *Варидощъ* (изъ *Анпина*) и *Талибальдъ* (изъ *Беверина*) были *Лепшы*, а *Лейбишь* (изъ

Леаля) Эспонецъ. Сей послѣдній въ 1214 году поднялъ всю Эспонию противу пришлецовъ Германскихъ; погромилъ окрестность Риги, заперъ Двину копьями, спалилъ землю измѣнниковъ Лешповъ. — Но мечъ судьбы обоюдоостръ: Рамеко и Друнвальдъ, сыновья несчастнаго Талибальда, замученнаго Эспами, подъ знаменемъ рыцарскимъ опмстили спорицею смѣрть отца и сродниковъ, на самомъ Лейбштѣ и его вѣрныхъ. Больше спа начальниковъ и многія тысячи Эсповъ погибли на коспрахъ или въ мученіяхъ жестокихъ.

Я прежде замѣпилъ уже, что Эспонцы теперь исправляющся нравспвенностію; но образъ платья, различный отъ Финскаго и домашней жизни, не много измѣнились, кажешся, отъ временъ первобытнаго ихъ состоянія.

Свѣплая ночь озаряла башни Нарвскія, длинныя тѣни лежали по долинамъ снѣжнымъ. — Подъѣзжая подъ мрачныя воропа, кошорыя вшорили гуломъ шопопу коней, я вспомнилъ послѣднюю осаду Нарвы и, казалось видѣлъ героя Шеремешева съ мечемъ въ рукъ, когда онъ спутивъ одною ногой

на боевую лѣспинцу, обращается къ Адьюшаншу Петра Великаго и хладнокровно опвѣчаетъ на приказъ его опшшупишь: „Скажи Государю, что я принадлежу шеперь не ему, а попомшпву; впередъ!“ и Рускіе на стѣнахъ города; но бой еще горѣлъ и въ срединѣ его; Шведы сѣклись и спрѣлялись съ нашими на улицахъ, въ домахъ, повсюду. — Я прошелъ до рапуши, въ кошорую Великій Петръ влещѣлъ съ мечемъ въ рукѣ и, говоряшь, въ пылу гнѣва ударилъ въ щеку Коменданша. „Глупецъ! вскричалъ онъ ему, повергая на споль мечъ свой, смопри на немъ кровь моихъ подданныхъ пролишая за васъ! ты предвидѣлъ всѣ ужасы приспуна, зналъ что неможешъ удержашься и бесполезно подвергъ невинныхъ гражданъ ярости непріяшеля!“—

Пропивъ Рапуши я невольню узналъ гошпепримный домъ Негоціанша К — ра, гдѣ провель споль пріяшній вечеръ не первый Рускій пушешешвенникъ; но лучший Писатель своего пушешешствія.

На шемной прорѣзной главѣ Собора и въ окнахъ спросеній блестяли лучи полного мѣсяца. Улицы въ Нарвѣ прямѣе, шире и

чище Ревельскихъ; дома правильнѣе и единообразнѣе. Спустившись подъ высокой мостъ, ведущій на Вышегородъ, мы доѣхали до второй заставы, выѣхали изъ такъ называемыхъ водяныхъ воропъ на мостъ Наровской и прекрасная картина открылась глазамъ нашимъ влѣвъ и вправѣ. — Огромные замки: Иванъ и Вышегорода, стоящіе на противоположныхъ берегахъ Наровскихъ; почернѣвшія высокія стѣны и зубчатыя башни ихъ, скалы и утесы, нависшіе надъ рѣкою, и вся готическая древность военной Архитектуры, вселяющъ что-то мрачное и унылое. —

Эпоха построения Нарвы весьма неопредѣленна. Ливонскіе Историки полагающъ оную около 1221 года; но безъ всякаго основанія. Лербергъ напрошивъ того говоритъ, что до 1280 года ничего не слышно было о семь городѣ, и что въ первый разъ о немъ исторически упоминается въ актѣ (1321 года), подписанномъ Королемъ Датскимъ Христофомъ II. Но если вѣрнѣе первымъ, Нарва была дважды уступлена Ордену еще Вольдемару II; и очень естественна, что не Шведы, а Датчане построили оную. —

Иван-городъ построень Рускими, при Великомъ Князѣ Иоаннѣ Великомъ. — Оба города переходили изъ рукъ въ руки; осады слѣдовали за осадами, битвы смѣнялись другими; изъ обѣихъ крѣпостей, сплотившихъ на перелетѣ стрѣлы, Рускіе грозили Нѣмцамъ, Нѣмцы превозжили Рускихъ. Наконецъ Шведы завладѣли Нарвою, но и при нихъ не одважды огонь нашъ памилъ внушрєнность города.

Завтра чѣмъ-свѣтъ, — радуйтесь за меня друзья мои — я буду смогрѣшь водопадъ Наровскій.

Станція Чирковицы, 9 Января.

Взявъ на Нарвской станціи лошадь, я отправился верхомъ къ водопаду; скачу, и чрезъ двадцать минушь оспанавливаю коня своего

Тамъ, гдѣ гремячая Нарова
 Съ утеса падаетъ крушова,
 Сперва она, раскинувъ ледъ,
 Къ порогамъ съ гордостью печенъ;
 Вопь ожемчуженной грядюю
 Толпятся волны за волною,
 Въ спѣсненный, боязливый кругъ,
 Вопь близко пропасти и вдругъ
 Сверкнувъ лучемъ кристальной влаги
 Внизъ скачупъ полныя опваги;
 И прыдая черезъ скалы,

Играють въ красотѣ чудесной
 Опливомъ радуги небесной,
 Огнями гр-мовой спирѣлы;
 Вошь въ бурные слились валы
 И съ грохотомъ алмазну спѣну,
 Упавъ, разбрызгивають въ пѣну. —
 Громами падающихъ водъ
 Двоить свой шумъ водоворотъ;
 И берегъ эдичалый роя,
 Нарова грозная шумить,
 И снова чуждая покоя
 Въ зашворахъ мельницы кипить.

Низпавшая рѣка дѣлился на-двое, и обра-
 зуешь островъ, на кошоромъ спюясть двѣ
 пыльные мельницы. Голова кружится, вни-
 мая шуму волнъ: онѣ спюяють, разбиваясь
 о кремнистыя утесы, спелюшся на нихъ
 всплѣсками, и съ пѣною, съ ревомъ текутъ,
 спирѣлой несущая дальѣ. Рыболовы увѣ-
 ряють, что подъ наклоненными скалами по-
 рога есть пещеры недоступныя водѣ.
 Многіе смѣльчаки пробирались туда сквозь
 бой водоворота и безвредны возвращались
 назадъ. — Но посмотрише снова на водо-
 падъ:

Спруи свергаясь пеленою,
 Какъ бы играють межъ собою:

То брызжутъ золошымъ снопомъ,
 То гнутся радугою смѣлой:
 То вспыхнувши цвѣшнымъ лучомъ,
 Лепяшъ и гаснушъ въ пѣнѣ бѣлой.

И это еще не все, друзья мои! — Вспомните, что театръ предсавляетъ морозъ въ 15 градусовъ, что солнце отражается въ тысячахъ разнообразныхъ ледяныхъ кристалловъ:

Тамъ видѣнь зеркаломъ Наядъ
 Оледенѣлый водопадъ;
 И цѣпи мховъ и плющъ печальной
 Корой подернупы криспальной,
 Гроздами вылился алмазъ;
 Съ прибрежныхъ соснъ, съ вѣшвей долины
 Кистями зыблются рубины,
 И блескомъ ослѣпляютъ глазъ; —

И все величїе карпины
 Покровъ сіяющій зимы,
 Рѣки пѣнистые холмы,
 Плескъ волнъ, пороговъ содроганье,
 Скрышъ колеса, жужжанье пиль,
 Свершили чувствъ очарованье;
 И мнилось мнѣ, что взмахомъ крыльъ,
 По манію волшебной проспи,
 Я занесенъ къ Арמידѣ въ гости,
 Или въ чершогъ безплошныхъ силъ.

И въ пурпурны сляанный тучи
 Кругомъ опъ брызговъ дымъ лепучій
 И волнь серебряный туманъ
 Все обольщенье уловляло,
 И все въ мечшпашелѣ пишало
 Души оппической обманъ.

Однако, я замѣшилъ, что мое воображеніе привычное только лепашъ а не плавашъ, опуспило мопыльковыя крылья свои и опъ шого, можешъ бышъ, замѣшите вы, что и Поэзія моя упала на почку замерзанія. — Опдаляясь опъ водопада я не успавалъ любовашъся имъ; вдругъ печальное воспоминаніе о несчастіи одного изъ предковъ моихъ, какъ шучей набѣжало на довольную мысль мою. Я расскажу вамъ повѣсть сего происшествія, какъ мнѣ передалъ ее опецъ мой. — эшопъ берегъ былъ шеапрошь оной.

(Окончаніе будетъ)

ПОГРЕБЕНІЕ ДѢВИЦЫ.

б) (Изъ *Hermite de la Chaussée d'Antin.*)

Сервій Сульпицій, спараясь утѣшить Цицерона, опечаленнаго кончиною дочери своей, писалъ къ нему: „Возвращаясь изъ „Азіи, на проѣздѣ изъ Эгины въ Мегару, оспановился я взорами на окрестныхъ предмешахъ: передъ собою видѣлъ Эгину, сзади „Мегару, вправѣ Пирею, влѣвѣ Коринѣ. „Сколько цвѣтущихъ городовъ нынѣ лежишь „на землѣ въ развалинахъ!—Какъ! среди сихъ „безчисленныхъ обломковъ, говорилъ я себѣ, „еще есть человѣкъ, сокрушающійся о поперѣ дочери.“ Толь испинныя размышленія философа не утѣшили опца Туллія, ибо не всякую рану душевную изцѣляеть

разсудокъ, и бываютъ слезы, которыя осушать не должно. На поприщѣ жизни лишился я и оплакалъ многихъ поварищей, многихъ сослуживцевъ; но они пали съ насльдственною славою воиновъ на полѣ чести, а меня ожидаешь, можешь быть, угрюмая спаросшь въ нѣдрахъ безвѣснаго уединенія. Помышляя о семъ, не могъ я не завидовать жребію тѣхъ, которыя смертію своею сдѣлались безсмертными. Съ каждымъ днемъ шеряю одного изъ друзей, согбеннаго, какъ и я, подъ бременемъ лѣтъ; жалю объ немъ, но не ропщу; *едѣ жизнь его угасла, тамъ былъ конецъ ей*, сказала Мопшань; смерть—необходимое слѣдствіе дряхлой спаросши. Но юная дѣва, только вышедшая изъ младенчества, имѣвшая право ожидать отъ Неба длинной цѣпи лѣтъ, осыпанная отъ Природы всѣми дарами, отъ счастья всѣми очаровательными прелестями, незапно похищается изъ объятій своей матери, уничтожаетъ желаніе своихъ родныхъ и ожиданія любви. Толь жестокій приговоръ Рока предспавляетъ какое-то прошиворѣчивое совокупленіе обстоятельствъ,

мыслей и выражений, возмущаетъ душу и вмѣстѣ раздраетъ сердце.

Чипапели мои видяшъ изъ заглавія, что гошовлю имъ прогашельную повѣсть; они могушъ не чипапъ меня, но я не могу писашъ нынѣ о другомъ предметѣ. Удивляюсь легкому дарованію Писателя, въ никакой мѣрѣ обладающаго собою, что онъ можетъ разсуждатъ о предметахъ совершенно чуждыхъ тому, которымъ преимущественно занятъ; — я совершенно лишенъ этой способности: всегда зависимый отъ преобладающаго чувствованія, тѣмъ менѣ стараюсь освободиться отъ него, что симъ единственно чего-либо спюю, *ежели того - либо стою*. Подобно всѣмъ людямъ, отъ Природы веселонравнымъ, въ иные дни предаюсь глубокой задумчивости, и эти дни не принадлежатъ къ печальнѣйшимъ въ жизни моей. Одинъ изъ прекраснѣйшихъ и наименѣ мрачныхъ Поэтовъ древности, Овидій, сказалъ:

. . . . . Est quaedam flere voluptas.

„Иногда пріятно плакать.“ Испину сію я болѣе всѣхъ чувствую, и въ то время,

какъ ложно спыжусь слезъ своихъ, примѣняю къ самому себѣ превосходный стихъ Юнга:

„Scorn the proud man that is asham' d to veep.“
 „Презрими горделиваго, стыдлцагося проливать слезы.“

Высокія мысли почти всегда родящяся ошъ чувствованій печальныхъ. Передъ глазами, такъ сказать, смерти Орашоръ Римскій писалъ *разсужденіе свое о природѣ боговъ*, а Монпанъ шворилъ лучшія свои произведенія. Сладостная Философія Сократовъ, Сенека, Баконъ, указывающая намъ на гробовый камень, какъ на рубежъ между жизнью и безсмертіемъ, не оправдѣ ли уместованій Лукреціевъ, Гольбахъ и Фрепешовъ, совѣшующихъ намъ погружашься слѣпо въ шу безмолвную и мрачную глубину, копорую сами называютъ ничшожещивомъ и старающяся закрыть ошъ нашего зрѣнія. —

Иногда частное обстоятельство дѣлаешься предметомъ унылыхъ размышленій моихъ; таково происшествіе, о копоромъ-было я говорилъ началъ; — извините крапкое опшупленіе; я продолжаю . . . —

Роберпина Вилармонпъ была дочь храбраго корабельнаго начальника. Отецъ ея двадцатилѣтними славными прудами, безъ сомнѣнія, приобрѣлъ право наслаждаться въ нѣдрахъ семейства значительнымъ богатствомъ, которымъ ни мало не обязанъ своей службѣ. Между прочими обязанностями, онъ пославлялъ себѣ долгомъ воспитаать сына своего для опечесства, а дочь для счастья юнаго воина, именемъ, чиномъ и заслугою доспойнаго такой награды. Еще въ Индіи познакомился я съ Вилармонпомъ, котораго, какъ младшаго меня, по препорученію опца, имѣлъ я подѣ своимъ надзоромъ. — Возвратившись во Францію, мы не прерывали дружеской между собою связи. Два года тому назадъ, ѣздилъ онъ со мной въ Рошефоръ, опредѣливъ сына своего въ службу на помѣ самомъ кораблѣ, которымъ нѣкогда самъ управлялъ, и на которомъ дѣдъ сего юнаго мореходца за придцать лѣтъ поднялъ свой флагъ Вице - Адмиральской. — Такое наследованіе славы было добрымъ предзнаменованіемъ, и молодой Леонъ вскорѣ въ награду за нѣкоторое блистательное дѣло получилъ опличіе храбрыхъ.

Дѣвица Вилармонпъ уже приближалась къ пятнадцатой веснѣ своей; воспитанная подъ надзоромъ и стараніями нѣжнѣйшей матери, уже почиталась она образцемъ всѣхъ совершенствъ. — Въ семь только году показала молодая Робертина въ свѣтѣ, и обратила на себя общее вниманіе. Счастливая мать съ излишнею довѣренностію (для чего не смѣю сказать: съ излишнею гордостію) наслаждалась блистательными успѣхами дочери, служившей предметомъ и украшеніемъ собраній и семейственныхъ праздниковъ. День рожденія дѣвцы Вилармонпъ празднованъ былъ у ея дѣда. Здѣсь-то очаровала она всѣхъ и своею любезностію, и опытомъ рѣдкихъ дарованій, и прелестною скромностію Г. Вилармонпъ, удержанный дома, поручалъ мнѣ ѣхать съ дамами, и я во все время бала, продолжавшагося за полночь, былъ кавалеромъ прекрасной Робертинны. — Она танцевала, я держалъ ея плапокъ и вѣеръ, я провожалъ ее къ мѣсту, я подавалъ ей шамъ по окончаніи конпр-данса, я также былъ очарованъ какъ и прочіе. — Быстро исчезло сіе очарованіе. Въ два часа кончился балъ;

Роберпина, танцовавши послѣдній англесъ, разгорячилась; мать просила ее опдохнуть; но чего было опасаться въ шали, въ теплой шинели и въ каретѣ? — Выходимъ; но кучера у лошадей нѣтъ; между тѣмъ какъ люди побѣжали искасть его, надлежало нѣсколько минутъ проспоятъ на холодѣ. — Наконецъ карета подъѣзжаетъ; Г-жа Вилармоншъ довезла меня до моего дома, а милая Роберпина, прощаясь, сказала, что не можетъ безъ меня веселиться и не пойдетъ ни въ одно собраніе будущаго года. „Къ вашимъ услугамъ, если только доживу (шутя я опивчалъ ей): ибо мнѣ нельзя загадывать такъ далеко.“ Думалъ ли я, что брошу горсть земли на могилу прекрасной?

На другой день прѣзжаю къ почтенному Вилармоншу и нахожу всѣхъ родныхъ въ комнахъ Роберпины, копорая опъ жестокой головной боли лежала въ постель. Ея пламенные глаза, тяжкое дыханіе и жаръ во всемъ тѣлѣ невольно поселили во мнѣ какое-то мрачное предчувствіе. Всѣ были спокойны, даже мать, сидѣвшая подлѣ кровати дочери, копорая держала ея руку; это спокойствіе могло быть оправдано только

увѣренностию Доктора. — Молодой лекарь, одѣшый щеголемь, доказывалъ (безпрестанно поглядывая въ зеркало и опряхивая съ пальца пабакъ, кошорымъ запачкалъ манжеты свои), что скорое біеніе пульса показываетъ только лихорадочной припадокъ, неизбѣжное слѣдствіе ночи, безъ сна проведенной. — Я вышелъ, болѣе надѣясь на благоразуміе опца и молодость больной, нежели на всѣ пышныя слова Доктора.

Три дни попомъ провелъ я въ деревнѣ, на чепвершой возвращаюсь домой и нахожу у себя нѣсколько писемъ. Одно опличалось опъ прочихъ величиною, развертываю и—что же вижу? билешъ съ печальными эмблемами смерти; съ неописаннымъ смущеніемъ читаю: *на погребеніе Робертины.....* Бросаюсь въ карешу, лечу въ домъ Вилармонша; тамъ уже было все въ праурѣ. — Чрезъ нѣсколько пуспыхъ горницъ вбѣгаю въ кабинетъ несчастнаго опца, вижу его расхаживающаго большими шагами; онъ взглянулъ на меня, бросился ко мнѣ въ объятія, не произнеся ни слова. — Сіе безмолвіе, величіе души, сражающейся съ несчастіемъ, заграждало уста хладнокровнымъ,

щедрымъ на обыкновенныя утѣшенія! Пойдемъ, сказалъ онъ мнѣ чрезъ нѣсколько минутъ, уговоримъ жену оставить эпопью домъ. — Какое зрѣлище ожидало меня у сей несчастной матери! — Никогда опчаяніе не представлялось взору моему въ такомъ ужасномъ видѣ. — Безупѣшная уже не плакала, стоя на колѣнахъ у дверей комнаты дочери, куда не впускали ее родственницы; въ кровавыхъ неподвижныхъ и смутныхъ глазахъ ея не было ни слезинки. — Робертина! дочь моя! — не могла болѣе произнести. — Я съ намѣреніемъ еще разъ повпорилъ ей это драгоценное имя; она опять залилась слезами; но вскорѣ, потерявши силы, лишилась чувствъ. Пользуясь этою ужасною минутою, мы пронесли ее чрезъ садъ въ карету къ мужу, который отвезъ супругу къ пещи.

Возвращаюсь въ залу, гдѣ всѣ друзья семейства, въ одеждѣ печали, въ мертвомъ безмолвіи, собрались для погребенія. Сквозь открытыя окна, передъ крыльцемъ дома виднѣнъ былъ гробъ, подъ бѣлою пеленой съ серебряною бахромою, въ кругу двадцати молодыхъ дѣвицъ, одѣтыхъ въ бѣлыя

платья, окинувшихъ длинными кисейными покрывалами: ихъ рыданія и молишвы доходили до насъ... Наспаетъ часъ совершенія обряда; мы сходимъ. Тѣло усопшей поспавлено было подъ балдахиномъ: чепыре молодыя дѣвицы спали вокругъ гроба, держа края покрыва и подавая другъ другу концы серебряныхъ перевязей. Родственники, будто погребенные подъ кремень, слѣдовали пѣшіе; а друзья въ праурныхъ карешахъ продолжали шествіе, которое заключалось служащими въ домъ, одѣтыми въ черныя платья.

У ближайшей церкви совершенъ былъ евѣщеннѣй обрядъ, послѣ котораго шествіе снова двинулось въ томъ же порядкѣ къ Монмартрскому кладбищу.

Приближаемся; роковыя ворота отворяются. Церковнѣй спорожъ въ молчаніи ведетъ насъ къ концу долины, гдѣ изъ-подъ зеленаго дерна, у могилы пѣвца *четырехъ вѣренъ года*, изкопана была земля, для принятія оспашковъ существа прелестнаго, на нѣсколько минушь, кажется, показаннаго Небомъ землѣ, чтобы оставишь здѣсь вѣчное сожалѣніе о его потерѣ. Робертина

не могла передать имя свое потомству;
память ея принадлежишь единственно без-
ушѣшнымъ родителямъ; для того, вмѣсто
всякаго надгробія, на камнѣ, навсегда со-
крывающемъ незабвенную опѣ в зоровѣ, вы-
рѣзали они слѣдующую строфу Малерба:

Elle était de ce monde où les plus belles choses
Ont le pire destin:

Et, rose, elle a vécu ce que vivent les roses,
L'espace d'un matin.

И. Богдановъ.

Умомъ, науками, законами, войной:
 Наспало наконецъ для Аравитянъ время;
 Великій сей народъ несъ долго мрака бремя,
 Скрываль среди спеней онъ къ славѣ громкой
 слѣдъ.

Но се настали дни для славы и побѣдъ!
 Отъ Сѣвера на Югъ вселенну жрушь пожары...
 Дымишся Персовъ кровь; разяпъ ихъ пронъ
 удары;

Вся Индія въ цѣпяхъ; Египеть чуждъ оградъ;
 Упраздиль блещущій свѣтъ Константина градъ;
 Власть Рима рушится — владычица вселенны;
 Расперзанъ исполинъ; его разбины члены,
 Въ позорѣ всѣ несуть ничтожества яремъ:
 На верхъ развалинь сихъ Аравію внесемъ!
 Попробенъ новый Богъ; попробны новы цѣли;
 Да Вѣру новую народы примуть слѣпы!

Хотъ въ Персахъ Зороаспръ, въ Египеть Ози-
 ридъ,

Помпиль-Нума въ Римъ, Минось въ богатый
 Крипъ

Ввели законъ и судъ, какъ первые примѣры;
 Но шамъ народъ былъ просипъ, безъ нравовъ и
 безъ Вѣры:

Чрезъ тысящу я лѣтъ, законъ образовавъ,
 Народамъ всѣмъ открыль уставы лучшихъ правъ;
 Опвергъ я лже - боговъ; Богъ — испины зер-
 цало,

Великихъ дѣлъ моихъ есть первое начало. —

Мой подвигъ не вовлекъ опечесхва въ обманъ;
Онъ идоловъ смушилъ, разгналъ спрасшей шу-
манъ:

Да будетъ Богъ единъ, и Царь надъ сей Держа-
вой!

Поработимъ ее и возвеличимъ славой.

Зопиръ.

Вошь умыслы пзвой! — Твой дерзкій произволь
Сспремится преврашшь въ мръ горній — зем-
ный доль!

Ты хочешь ужасомъ смершей, кровопролипій
Вселишь всѣмъ смершнымъ мысль сихъ пагуб-
ныхъ собышій!

Ты разрушаешь мръ, не свѣшь даешь ему:
Ахъ! если онъ погрязь невѣжесхва во пьму, —
Коль въ заблуждени семь преткнулись мы о
камень,

То сколь ужасный въ свѣшь предносишь пы
намъ пламень!

И въ правѣ ль пы учить, глаголашь, какъ Про-
рокъ?

Кадиломъ власпвовашь, поработашь Воспокъ?

Магометъ.

Умъ пвердый, любящій велики предпріяшья,
Есть въ правѣ — озаряшь слабѣйшихъ душъ по-
няшья.

Зопиръ.

Такъ, каждый мыслящій споль дерзко бунпов-
щикъ,

Къ несчастью, долженъ бытъ въ числѣ земныхъ
владыкъ,

И въ правѣ обольщать, когда шѣмъ возвеличенъ?

Магометъ.

Мнѣ вѣдомъ швой народъ: обманъ ему приличенъ;

Мой святъ законъ, иль нѣтъ — ему необходимъ:

Что пользы опъ моливъ и жершвъ богамъ
пустымъ?

И вѣришь идоламъ ты сердцемъ доброхотнымъ!

Въ нихъ вѣра дѣлаешь несмысленнымъ живош-
нымъ,

Творишь безсильнымъ духъ, вселяешь въ нравъ
порокъ;

Моимъ закономъ духъ неуспрашимъ, высокъ;

Родить Героевъ онъ.

Зопиръ.

Грабителей — Героевъ.

Избавь насъ опъ наукъ достойныхъ дней раз-
боевъ;

Въ Мединѣ, яко Царь, превозноси обманъ:

Тамъ для владыкъ швоихъ ты богъ иль испу-
канъ;

Тамъ равныхъ ты себѣ зришь подъ пяшой по-
пранныхъ.

Магометъ.

Мнѣ равные! давно нѣтъ Магомешу равныхъ:

Я въ Меккѣ всѣмъ — гроза, въ Мединѣ — я Мо-
нархъ;

Прими ты миръ, или низринуть будешь въ прахъ.

Зопирь.

Миръ во успахъ пвоихъ; но чувспва — мира
чужды;

Не обольспишь меня.

Магометъ.

Въ обманѣ нѣтъ мнѣ нужды.
Гдѣ слабымъ лестъ нужна, памъ сильнымъ взоръ
и гласъ:
Чего я днесъ ищу, въ помъ завпре дамъ при-
казъ. —
Ты завпра жерпвою бытъ можешь рабспва,
казни;
Днесъ Магомешъ шебѣ являешъ знакъ пріязни.

Зопирь.

Ты? мнѣ пріязнь, пирань! вновъ ухищренья лестъ!
Кшобъ изъ боговъ сіе могъ чудо произвести?

Магометъ.

Единъ всемоцный Богъ, едина вседержимоспъ,
Глаголющая мной . . .

Зопирь.

Вѣщай.

Магометъ.

Необходимоспъ,

И польза личная.

Зопирь.

Я сихъ гнушаюсь узъ. —
Пуспъ прежде съ Небомъ Адъ свой заключишь
союзъ:

Корысьшь—есть богъ тебѣ; мнѣ правда безъ укоровь;

Между враговъ сихъ двухъ нѣшь мирныхъ договоровъ.

Кпо былъ бы, отвѣчай, ужасной дружбы пѣй,
Чпо предлагаешь мнѣ, спорукою свяпой? —
Твой сынъ ли, чпо сражень, палъ подъ моей
рукою?

Или кровь чадъ моихъ, чпо пролила побою?

Магометъ.

Нѣшь; — чада самые: днесъ шайна безъ личинъ,
Которой въ мѣрѣ я хранишель былъ единъ:
Оплакаль пы сихъ чадъ;— они живущъ въ покоѣ.

Зопиръ.

Живущъ! Чпо пы вѣщаль? о Небо всеблагое!
Живущъ, — и опъ шебя о нихъ я извѣщень!

Магометъ.

Ихъ воспипаль мой спань, и возраспилъ ихъ
плѣнь.

Зопиръ.

Во узахъ у шебя? иль въ вѣчномъ раболѣпствѣ?

Магометъ.

Они рукой моей кормимы были въ дѣпствѣ.

Зопиръ.

Уже ль пы не явилъ имъ гнѣвнаго лица?

Магометъ.

Я въ чадахъ не караль виновнаго опца.

Зопиръ.

Сверши, открой, вѣщай, какая ихъ судьбина?

Магометь.

И жизнь ихъ ошь шебя зависишь и кончина:
Лишь слово изречешь, — и пы ихъ властелинъ.

Зофиръ.

Могу спасши я васъ, о дщерь! о милый сынъ!
Но умереть ли мнѣ, иль въ ухахъ быль пирана?

Магометь.

Нѣшь; погрузишь со мной вселенну въ мракъ
обмана:

Здай Мекку, презри храмъ, иль капище химеръ,
Всѣмъ легковѣрія въ себѣ яви примѣръ;

Внушай пы Алкоранъ въ народъ, обяшый спра-
хомъ;

Будь мой пророкъ; кажись пы предо мною пра-
хомъ;

Твой будешь сынъ съ шобой, а дщерь — супру-
гой мнѣ.

Зофиръ.

Внемли: родишель я, и чадь люблю вполнѣ:

Черезъ сполько лѣшь обрѣсть супружества плодъ
милый,

И изъ обяшій чадь прейши во мракъ могилы,
Есть благо первое нѣжнѣйшему опцу. —

Но пусть предастся ли отечество льстецу?

Иль чада шѣ падуть ошь рукъ моихъ обое?

Познай, о Магометь! рѣшусь я на второе.

(уходитъ.)

Магометъ (одинъ.)

Жестокій гражданинъ, кичливецъ вепхихъ
лѣпъ;

Но большую явишь жестокость Магометъ.

Ф. Синельниковъ.

ПРЕЛОЖЕНІЕ 105 ПСАЛМА (*).

Возстань, мой духъ, возстань смущенный,
И восхвали Царя царей!
Онъ, въ ризу свѣта облеченный,
Вѣнчанный славою своею,
Шаптеръ лазоревый разкинулъ
Въ безбрежныхъ, горнихъ высотахъ;
Эфиромъ землю онъ окинулъ,
И возшумѣлъ на облакахъ!

* * *

Сѣдящъ на свѣплой колесницѣ,
Изъ сонма влажныхъ облаковъ,
Подобной въ быспрошѣ зарницѣ,
Лепишь на крыліяхъ вѣтровъ!
Окрестъ сонмъ Ангеловъ парящій
Въ благоговѣніи течешъ,
И пышетъ огонь вокругъ горящій,
И гласомъ грома Богъ речешъ!

* * *

(*) Чипано на публичномъ экзаменѣ воспитанниковъ Санктпетербургской Губернской Гимназіи, Декабря 23 дня 1820 года, со многими другими весьма хорошими Стихотвореніями въ разныхъ родахъ Поэзіи, уже извѣстными публикѣ изъ цѣлковыхъ No No *Благонамѣреннаго*.

Онъ рекъ — и пвердь земли возванна
 Взлегла на крѣпкихъ вѣкъ сполпахъ,
 Какъ ризой, бездной одѣянна.
 Клубились воды на горахъ;
 Но вдругъ раздался гласъ съ престола —
 Побѣгли воды, убоясь;
 Открылись зланы спраны дола,
 Возспали горы, веселясь!

* * *

И въ деляхъ воды заспруились:
 Звѣрь сельскій съ жаждой влагу пьеть;
 Игривы серны упомились,
 И ждуть: — вопъ ключъ въ скалѣ забьеть!
 Взгнѣздились окриленны пщицы
 Поверхъ высокихъ мшистыхъ горъ;
 Съ восходомъ радостной денницы
 Возпѣлъ Творца веселый хоръ.

* * *

Тамъ лакомъ лугъ разцвѣлъ душистый:
 Тамъ жатва золопомъ горить;
 Тамъ каплетъ сокъ изъ лозъ пѣнисный:
 Имъ смертный сердце веселишь.
 Ливана кедръ, водой вспоенный,
 Шумитъ вѣшвисною главою;
 Орель, за облака взнесенный,
 На кедрѣ домъ устроилъ свой.

* * *

А шамь олень роговъпъвиспый
 Траву дыханьемъ колебаль;
 Тамь заяць между скаль пушиспый
 Въ норѣ денницы лучь вспрѣчалъ. —
 Лишь дня попухнулъ свѣспъ багровый,
 Луна медлишельно печешъ:
 Взойдя на сумрачные крovy
 Во пьмѣ доль спящій спережешъ.

* * *

Пропекши солнце полвселенну
 Попухло въ плещущихъ волнахъ:
 Главу вздымая пробужденну,
 Рыкаешъ гладной левъ въ степяхъ;
 Ъжипъ луна съ зыбей эфирныхъ,
 Млькнула упрення заря:
 Дубравный звѣрь въ жилищахъ мирныхъ,
 Пещера ждепъ звѣрей царя.

* * *

Премудръ въ созданыи Всемогущій!
 Вселенная чудесь полна:
 На бѣлыхъ крыльяхъ чолнь бѣгущій
 Тамь мчипъ покорная волна;
 А шамь гора по зыби бурной,
 Вздымая волны до небесь,
 Несешся кипъ, — и свѣспъ лазурной
 Блещипъ сквозь водяной навѣсь.

* * *

Всѣхъ тварей длань Твоя питаешь!
 Ты льешь обиліе рѣкой;
 Разверзешь руку — и разыграешь
 Опрада въ сердцѣ и покой.
 Сокроешь взоръ Свой — возмутятся;
 Опнимешь духъ ихъ — въ персть легли;
 Дохнешь — и къ жизни возвращаются,
 И разцвѣшешь лице земли!

* * *

Творецъ! Твою возхвалимъ благоспѣ,
 Пока свѣшпильникъ жизни сей,
 Душа, вкушая Вѣры сладоспѣ,
 Не гаснешь съ свѣшпомъ нашихъ дней!...
 Возришь со гнѣвомъ — всѣ спрашающа:
 И грѣшникъ смерть внезапно зришь;
 Къ горамъ коснешься — воздымящяся, —
 На шапкой оси міръ дрожишь....

_____ В. Григорьевъ.

а. О С Е Л Ъ. (*)

Однажды лѣтнею порой,
 Подъ холмъ, гдѣ ручейокъ спруиулся,
 Осель пришелъ напишья —
 И, образъ солнышка увидя подь водой,
 Онъ думаль такъ: „я солнышко доспану;
 „Источникъ осушишь я право не успану:
 „Имъ чуть покрышь песокъ;
 „Воды въ немъ, кажеться, не больше, какъ глопокъ:“
 Подумавши, осель въ ручей спушился.
 Какъ въ бочку, такъ въ себя, льеть воду длин-
 ноухъ,
 И, наконецъ, онъ сполько накопился,
 Чпо шущъ же испушилъ свой духъ!

* * *

Какъ много естъ людей (будъ сказано межъ нами)
 Похожихъ на осла сего!
 Спараются доспичь — чего?
 Богъ вѣдаеть, и шолько гибнушь сами.

Политковскій.

(*) Басня сія такъ же читана на послѣднемъ публичномъ испытаніи въ С. Петерб. Губернской Гимназіи.

Д В Ъ К Н И Г И.

*Видна лишь птица на полетѣ:
Пословица спаринная гласишь,
И по же басня подшвердипь.*

*

Въ сафьянномъ книга переплетѣ
Лежала высоко, почпи подъ пополкомъ;
Внизу же на сполѣ, запачкана кругомъ,
Книжонка вепихая валялась:
(Довольно знашь она употреблялась).
Ин-кваршо ей кричишь: „какъ пы не пригожа!
„Взгляни-ка на меня: я право госпожа;
„А пы передо мной . . . . . тряпица.“
„Позволь тебя спросишь, красавица сеспирица!“
Книжонка, перервавъ, сказала ей въ отвѣпъ;
— „Позволь спросишь, тебя читаюпъ или нѣпъ?
То слыша госпожа смушилась, покраснѣла,
И разговоръ продлишь съ тряпицей не умѣла.

Шереметевъ.

Э П И Г Р А М М А.

Я славою не сыпъ,
Журналь попчасъ забыпъ,
Риемушкинъ говорипъ:

Собранье полное спиховъ моихъ представлю,
По смерти я себя превозносить заставляю,
Ученый обо мнѣ попомству загремишь

Въ преупонченной справкѣ —

Изданье полное прямой вѣнецъ труда; —
Оспаться я хочу, оспаться навсегда.....
Пріяпель возразилъ; у Глазунова въ лавкѣ.

II. Н Р А В Ы.

ГОСТИНОЙ ДВОРЬ.

Я любилъ прогуливатьсѣ по Госпиному двору: гдѣ беспокоило только то, что купцы на каждомъ шагѣ оспанавливаютьъ и спрашиваютъ: *баринъ! что вамъ угодно?* — Потомъ безстыдно каждый изъ нихъ расхваливаетъ свои повары. — Сія добука купцовъ мнѣ досаждала, часно мѣшала любимой прогулкѣ, такъ что возвращаясь домой, всеми силами старался опыскать причину такой наглости, и разсуждалъ: купцу нужно сбыть съ рукъ свои товары; его ремесло пребуешь, чтобы онъ какъ можно скорѣе превращалъ вещи въ деньги; но, возражалъ я самъ себѣ, если я пришелъ на Госпиной дворъ для прогулки, ежели я не расположенъ ничего купить, то купецъ хопя осипнетъ кричавши: *баринъ,*

сюда! — но не принудить меня взять товары и заплащить деньги. — Таковыя сужденія оправдали мои досады прошивъ наглыхъ лавочниковъ, и убѣждали заключить, что я справедливо на нихъ сердился; но попомъ я мыслямъ моимъ далъ волю, и удостоверился, что все люди купцы, а вселенная большіе ряды, гдѣ мы, словесныя швари, споимъ каждый у своего прилавка, и только что нахваливаемъ собственные товары. — Куда ни оглянемся, вездѣ ссоры и совмѣстничество. — Завоеватель мечить за обиду свою опныиёмъ чужихъ земель и пролииёмъ крови; — красавица, услыша похвалы подругѣ своей, рада призвать на хвалишеля очарованія Медеи; — сущяга согласится грошати пыль въ сполѣпней архивѣ, лишь бы вырыть спашейку на соперника, или выкрасить не въ свою пользу доказательспва. Любовникъ не помедлитъ погрузить цѣлое семейство въ бѣду для похищенія имъ обожасмой и принадлежащей другому красавицы. — Но когда я обратился мыслями къ вамъ, пишомцы Музы, пишпы, прозаиспы, журналисты, и словомъ: все превосходные, посредспвенные и мел-

кіе писатели; то увидѣль, что у васъ въ швердой памяти и въ настоящемъ смыслѣ слова: „*мое и тужое.*“ — Смѣшны и жалки мнѣ піишы рапоборцы; они прекраснѣйшее упражненіе челоуѣка обращаютъ въ подвигъ хищности и коварства, и по дѣлаютъ безъ всякой выгоды. — Свѣпильники Парнасса! вамъ нѣтъ нужды для пріобрѣшенія славы прибѣгать къ поноснымъ средствамъ и подражать кокешкѣ, или мздоимцу. — Тѣ, по крайней мѣрѣ, алкаютъ вещественной корысти, но вашъ подвигъ, обладатели мечпашельнаго царства! заключается единственно въ превосходствѣ вашего разума: нѣтъ силы ни враждебной, ни благопріятствующей, которая бы могла увеличить или уничтожить вашу славу. Лавка открыта, повары разложены, оцѣнка сдѣлана. — Нѣтъ! на зло поварницамъ, сижу у прилавка, приманиваю мимоходящихъ, превозношу свои повары, и еще стараюсь ругательствомъ и язвительными насмѣшками очернить современниковъ моихъ. — Если кто усомнится въ истинѣ сего описанія, или подумаетъ, что краски въ немъ слишкомъ грубы и пемноваты, пускай прочтеть Исторію Пар-

насса всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Впрочемъ, какая изъ того польза? Ни уловки хитрослѣзи, ни ядовитыя стрѣлы, ни нахальная себѣ похвала не заставяють никого принимаять черное за бѣлое. Ругательства злобнаго и несчастнаго сочинителя обращаются ему самому въ посрамленіе. — Сіе мнѣ напоминаетъ о прекрасной мысли Княгини Дашковой: что дурное только вино окисаетъ, а пворецъ посредственныхъ дарованій избираетъ своимъ подвигомъ личную сапиру. — Если твои сочиненія не нравятся, то ни подкупныя твои похвалы, ни твоя злоба не помогутъ. Первыя разтаютъ какъ весенній снѣгъ, а послѣдняя ужалишь тебя одного. Съпуй на рокъ, проклинай споглаваго судію и утѣшайся усладительною мыслию, что потомство опадетъ тебѣ справедливостью. — Потомство! скажешь мнѣ; но я тогда буду глухъ, и рукоплесканіе его меня не возбудишь! Конечно потомство, ежели до него достигнешь, опвѣчаю я; оно опровергаетъ временныя похвалы и порицанія. — Пронырство дало побѣду Прадону надъ Расиномъ, но пронырства не послушали. — Боало,

прорицатель вкуса, законодапель Поэзіи, не признаваль великимъ просподушнаго Лафоншена, унижалъ Кинольпа и презираль Кребильона; но ему не повѣрили. — Время и истина рѣдко между собою бывають не согласны. —

Язвительныя піпшовъ другъ на друга шворенія, переходя въ печеніе многихъ вѣковъ изъ рукъ въ руки, сохраняюпся, какъ ядъ, изъ рѣдкихъ былій составленный, но неполезный ни на какое упошребленіе, а напрошивъ вредный шому, кто оный приугошвляетъ; при шомъ замысловапая насмѣшка остроумнаго сочинителя всегда ли есть непогрѣшительное заключеніе? — Мы чипали о шомъ, сколь справедливо сужденіе Боало о Лафоншенѣ, Кинольпѣ, и при самой смерти его о Кребильонѣ. — Руссо лирикъ и Вольперъ взаимно другъ друга поносили; кошораго же мы изъ сихъ двухъ мужей осмѣлимся согнашь съ Парнасса? — Ежели по примѣру Боало кто-либо ополчипся на Корасовъ и Бойе, шо на сіе скажу: лежачихъ не буюшь. —

Я спрашиваю, развѣ необходимо, чшобы знаменимый писатель, для исправленія без-

умныхъ, былъ извѣспенъ подъ именемъ сварливаго и злобнаго человѣка? — Пускай змѣи жалящъ другъ друга, но орламы, къ солнцу парящимъ, сіе непристойно. — Жаль, что многіе превосходнѣйшіе писатели симъ ядомъ заражены были и должны явиться предъ многія сполѣпія съ такимъ пятномъ. — Мгновенная и неосновательная месь обуяла разумы Вольпера, Боло, Руссо, Аддисона и другихъ, и нанесла оскорбленія славы и чести ихъ, пѣмъ болѣе, что всѣ знаютъ сколь легко и на перѣ злословить, и что сіи сочиненія не придають никакого вѣсу достоинствамъ великихъ писателей, а напропавшого обременяють только хулами ихъ память, ибо сашира показываетъ въ сочиненіи своемъ духъ ненависти и непомѣрнаго честолюбія, которое, какъ будто не надѣясь на собственныя силы, мечтаетъ при малѣйшемъ случаѣ видѣть врага или соперника. Сашира не можетъ обратиться ни чьего лавроваго вѣнца въ кропивный, равно какъ лесъ и невѣжество кропивнаго въ лавровый.

Все то, что я здѣсь ни говорю, не касается до благоразумныхъ цѣнителей. Не хочу распространиться о томъ, что такое кришика копорая всякому извѣстна; но при-молвлю, что она безъ пристрастія и желчи, обнажая недоспапки въ сочиненіи, вмѣстѣ показываетъ и красоты его; ибо собраніе нелѣпостей недостойно кришики, но само по себѣ становится жертвою мрака и презрѣнія.

. . . . .

такимъ образомъ разсмащриваемъ съ двухъ споронъ: если судить о переводѣ Андромахи по дѣйствию, которое производила она во время представленія на шеащрѣ, по отзывамъ просвѣщенныхъ Липщеращоровъ и истинныхъ любительей Словесности, и по успѣху, съ какимъ она расхощидся въ продажѣ послѣ каждаго изданія; то Трагедія сія должна бытъ разсмащриваема съ одной щолько хорошей спороны; но ныщъ правила безъ исключенія: скажущъ, можетъ бытъ, несомѣстно съ челоуѣческою природою, чщобы въ произведеніи ея не было какихъ либо недосщашковъ или погрѣщностей, подвергающихъ ее сужденію такъ же и съ худой спороны? Должно согласиться: *tout homme est fautif.*

Андромаха, какъ выше сказано, многократно была играна на шеащрѣ, и щеперь издана пятымъ писненіемъ. О семъ послѣднемъ изданіи было уже объявлено въ Сынѣ Ощещества No 10, въ Сореноуашелѣ N 2 и въ Благонамѣренномъ No 5. — Къ удивленію, всѣ сіи объявленія не заключающъ въ себѣ никакого опредѣлительнаго сужденія ни о до-

споинспвѣ цѣлой піэсы, ни о степени, копорую можешъ занимать она въ храмѣ нашей Словесности; въ одномъ только Благонамѣренномъ опдана должная справедливостъ Переводчику, въ разсужденіи Трагическаго слога. Но Липператоръ, приобрѣтшій славу на поприщѣ ученаго свѣта, заслуживаетъ дальнѣйшее вниманіе просвѣщенныхъ Криптиковъ. Графъ Хвостовъ, копорый столь часто вступаетъ въ состязаніе съ Боало-Депрео, и копорый въ Посланіяхъ своихъ всегда проповѣдуетъ о правилахъ и пользѣ здоровой Криптики, долженъ также предстать и самъ предъ судилище Де-Фонпелей, Лагарповъ, Шлегелей и Жофруа. —

Правда, кто изъ благоразумныхъ Рецензентовъ не согласился съ Квинтилианомъ: *modeste tamen et circumspecto judicio de tantis viris pronuntiandum est, ne, quod plerisque accidit, damnent, quae non intelligunt. Ac, si necesse est in alteram errare partem, omnia eorum legentibus placere, quam multa displicere, maluerim?* — Однакожь Криптикъ, руководствуемый безприсраспиемъ и скромно-

спію, не подвергнешся шаковому нареканію;
 ибо онъ, слѣдую Горацию, — *versus reprehendet inertes,*

*Culpabit duros, incomptis allinet atrum
 Transverso calamo signum, ambitiosa recidet
 Ornamenta, parum claris lucem dare coget,
 Arguet ambigue dictum: mulanda notabit.*

На основаніи сего правила, разбирая разсмащриваемую Трагедію, безъ спрогой важности Ариспарха и безъ язвипельной ѣдкоспи Архилоха, должны мы сперва обраппшь вниманіе на красопы ея, а попомъ показашъ находящіеся въ ней недоспапки; ибо *quondoque bonus dormitat Homerus.*

Чтобы произведеніе, подобное Андромахъ, было доспойно Расина, поппребны, по мнѣнію ученыхъ, почная близоспъ перевода къ подлиннику, правильноспъ не только Спичхотворческаая, но даже Грамматическаая, а всего болѣе чиспоша въ выраженіяхъ, единообразіе въ слогъ и еспеспивенноспъ въ оборопахъ отечеспивеннаго языка. Къ похващъ Переводчика можно сказащъ, что въ переводъ его все сіе соблюдено: доказашельсства предспаваляющся почши на каждой

спраницѣ: для просвѣщенныхъ довольно слѣ-
дующихъ примѣровъ:

Un enfant malheureux, qui ne sait pas encor
Que Pyrrhus est son maître, et qu' il est fils d'
Hector.

Несчастный сирота, не вѣдаетъ того,
что Гекторъ былъ отецъ, — Пирръ нынѣ Царь его!

или:

Seigneur, tant de grandeurs ne nous touchent plus
guère;

Je les lui promettais, tant qu' a vécu son père.
О громкихъ почестяхъ я мыслишь перестала;
Доколѣ жиль супругъ, — ихъ сыну я желала.

или:

Triomphant dans le temple, il ne s'inform pas
Si l'on souhaite ailleurs sa vie ou son trépas!
При брачномъ торжествѣ не думаетъ того,
Желающъ ли гдѣ благъ, иль гибели его?

или:

Je t' aimais inconstant, qu' aurais je fait fidèle?
Когда къ измѣннику огонь спраспи былъ безмѣ-
рень,
Суди, что было бы, когдабъ ты былъ мнѣ вѣ-
рень?

Чтобы не распространяясь, выписывая
изъ Автора стихи, для большаго удосто-
вѣренія въ сходствѣ перевода, предостав-

ляемъ любопытнымъ сличить съ подлинникомъ слѣдующія мѣста: спр. 18. 19.

Что предпріемлешь, Пирръ? что Греція вся скажетъ,

Когда видъ слабости Геройскій видъ покажетъ?

Или ты хочешь, Царь, чтобъ подвигъ таковой,
Внушенный спрашню, былъ плодъ любви одной?

Печальна, плѣнница, самой себѣ постыла,

Какъ можешь ты желать, чтобъ я тебя любила?

Какія прелести находишь въ тѣхъ глазахъ,

Которымъ вѣчно самъ назначилъ быть въ слезахъ?

Нѣтъ! долженъ ты почтить гонимыхъ рокъ ужасный

Младенца сохранить для матери несчастной,

или: спр. 58:

Иду дерзаю къ бою!

Я вновь обременю всю Грецію войною:

Пускай прославится тобой рука моя,

Еленой будешь ты, Агамемнономъ я,—

Пергала бѣдствія распространимъ въ Эпирѣ;

Какъ мать, какъ отецъ, мы гролки будемъ въ мѣрь.

Пойдемъ. — Гошовъ...

или: спр. 72.

Нѣтъ! имъ не сошворишь онъ въ поржеспвѣ преграды,

Нарушить не дерзнешъ споль пышные обряды!

Я зрю смятенье, духъ грызущее его,

Смерть робкаго спрашишь, — смерть болѣ ни-
чего.

*Умру — но смерть пускай за стыдъ отмщаетъ
моя,*

Умру — и не одна, самъ Пирръ пойдетъ за мной.

Сравнивъ сіи мѣста перевода съ подлинникомъ, каждый образованный увидитъ, что Графъ Хвосповъ, переводя Андромаху, умѣлъ удержатъ вездѣ и силу оригинала и красоту, свойственную языку Русскому. — Безприсрастные не могутъ опровергнуть, что Переводчикъ удачно соспязался съ Авпаторомъ въ сихъ трудныхъ мѣстахъ: —

Печальна, плѣнница, самой себѣ послыла,
Какъ можешь ты желать, чтобъ я тебя любила!
Какія прелести находишь въ пѣхъ глазахъ,
Которымъ вѣчно самъ назначилъ быть въ слезахъ?
Нѣтъ! долженъ ты почтись гонимыхъ рокъ ужа-
сной,

Младенца сохранишь для матери несчастной.

Ученые и знапки увидятъ также, что всѣ возможные красоты подлинника доспойно переданы въ нѣкоторыхъ явленіяхъ самому переводу; на примѣръ въ слѣдующемъ:

Пускай прославится побой рука моя,
Еленой будешь ты, Агамемнономъ я:

Пергама бѣдствія распроспиранимъ въ Эпирѣ;
 Какъ маперъ, какъ опецъ, мы громки будемъ
 въ мѣрѣ.

Въ спихахъ:

Je t' aimais inconstant, qu' aurais— je fait fidèle?
 Когда къ измѣннику огонь спраспи былъ безмѣ-
 рень;

Суди, что было бы, когдабъ ты былъ мнѣ вѣренъ?
 — невозможно почти опредѣлишь, на ко-
 торой сторонѣ превосходство; а послѣд-
 ние два спиха въ переводѣ:

Умру—но смерть пускай за спыдъ опмщаетъ мой,
 Умру — и не одна, самъ Пирръ поидеть за мной.
 — кажешся, берущъ преимущество предъ
 Французскими; ибо спихъ: *Je ne mourrai pas
 seule, et quelqu' un me suivra*, какъ справед-
 ливо замѣчаетъ и Жофруа, наводитъ чрез-
 вычайную холодность на всю рѣчь Гермюны.

Графъ Хвостовъ, по свойственной ему
 скромности, въ предисловіи говоритъ, что
 едва ли возможно, а особливо ему, сдѣлать
 переводъ достойный Расина? Однакожь раз-
 ность перевода сего, при каждомъ изданіи,
 спель ощутительна, что можно поспа-
 вить ему девизомъ изреченіе одного изъ но-
 вѣйшихъ Философовъ: *Tendre á la perfecti-
 on sans y prétendre*. Въ послѣднемъ изданіи

исправлены многіе недоспашки, находившіеся во всѣхъ прежнихъ; стихи, въ разсужденіи печенія, красоты, риѣмъ и плавности, доведены почти до совершенства, а слогъ, копорый долженъ составлять первое достоинство Трагедіи, пакъ сообразенъ съ предметомъ и дѣйствующими лицами, что по заключенію, сдѣланному въ Благонамѣренномъ, онъ не только чуждъ вводимого нынѣ жеманства, неспропы и шероховатости, но даже далекъ отъ прежде употребляемаго славенизма, по еспь: истинно прагическій слогъ, еспественный.

Возмемъ, въ образецъ сего слога, мѣста изъ разныхъ дѣйствій:

ДѢЙСТВІЕ I.

Орестъ.

Я долженъ Грековъ всѣхъ устами говорить;
 Но прежде ты позволъ воспоргъ мой объяснишь:
 Ихъ славнымъ выборомъ я восхищаюсь нынѣ,
 Побѣдоноснаго родителя зрю въ сынѣ:
*Мы чтимъ его дѣла, мы подвигъ знаемъ твой;
 Онъ Гектора сразилъ, палъ Иліонъ тобой.
 Ты показалъ, сверша вельніе Зевеса,
 Что можетъ сынъ лишь быть пресленикъ Ахил-*
 леса;

Но Грековъ швой опецъ не спалъ бы огорчашъ,
 И пѣнниковъ своихъ надеждою пишашъ;
 Излишнiя плашя ты состраданью дни,
 Толь долговременной хранишь ошашокъ брани.
*Или не помнишь. Царь, кто Гекторъ въ пелѣ былъ?
 Изнеможенный Грекъ того не позабылъ.*

Трепещушь имени (*) и дочери и вдовицы,
 Нѣшъ рода въ Греціи, средь веси иль сиолицы,
 Который сыну бы всѣхъ нашихъ бѣдъ шворца
 Злой смерти не желалъ за мужа, иль опца. —
 Кипо вѣдаешъ, на что сынъ, возмужавъ, рѣшитъся,
 У нашихъ приспаней онъ можетъ ополчиться,
 И будешъ, какъ опецъ, нашъ сожигая флошъ,
 Гнашъ съ пламенемъ въ рукѣ (***) среди пучины
 водъ.

. . . . .

Такъ, Грековъ, Государь, сообразуйся волѣ,
Сверши ихъ мечь, и будь спокоенъ на престолѣ;
 Врага опаснаго спремися поразить;
 Онъ первому тебѣ начнешъ бѣдой грозить.

Пиррѣ.

Чрезмѣрно Греціи о Пиррѣ попеченье!
 Я чаялъ важное услышашъ приключенье,
 И мыслить, признаюсь, по имени посла,
 Узнашъ высокіе совѣшы и дѣла.

(*) Не сказано: *злого имени?*

(**) Шлеоназмъ: *съ пламенемъ въ рукѣ*, излишній, и стихъ не лсный; ибо не видно, кого гнать; лучше и яснѣе было бы:
 „Гнашъ Грековъ съ пламенемъ среди пучины водъ.“

Кто могъ вообразить, чтобы предсталъ у
 прона,
 Ходапаемъ всѣхъ Царствъ, мнѣ сынъ Агамем-
 нона?

*Чтобъ Греки, множество трофеевъ обрѣтя,
 Рѣшились посягнуть на слабое дитя?*

Но жертву принесу, чьей угождая волѣ?

Нѣшь права на нее побѣдоносцамъ болѣ.

Я Грекъ, и можетъ ли моя стѣснишься власть?

О плѣнникѣ рѣшишь, доставшемся на часть? (*)

. . . . .

*Боятся Гектора, что вновь воздвигнетъ Троя,
 И будетъ сынъ его мнѣ врагъ, спасенный мною;*

. . . . .

. . . . .

. . . . .

На внука съ праотцемъ мечей не вознесли,

Подъ Троей въ грудь тѣль его не погребли?

Тогда все праведно,— младенчество и спаросшь,

Глася о немощи, воспламеняли ярость;

Побѣды наглость, ночь лютѣе нежелъ мы, (**)

Не различали жершвъ среди глубокой пьмы.

(*) Не видно: кому доставшемся на часть? и потому лучше бы сей стихъ передѣлать такъ:

„Рѣшишь о плѣнникѣ, мнѣ отданномъ на часть.“

(**) Выраженія: *наглость побѣды* и *ночь лютѣе, нежелъ мы*, не сославили бы, кажется, ни какой красоты и въ прозаическомъ сочиненіи; ибо сіи Троицы едва ли снисшественны? У Автора сказано просно: *La victoire et la nuit plus cruelle, que nous.* —

Я къ побѣжденнымъ самъ жестокосердъ явился;
 Но въ люпоснѣ злобную мой гнѣвъ не обратился:
 Я жалоснѣ не хочу опъ сердца удаляпъ,
 Младенческую кровь спокойно проливапъ.
 Пусть ищепъ Греція другихъ добычъ свободно,
 И меспъ надъ Тросю свершаетъ, гдѣ угодно;
 Я опрекаюся опъ брани и опъ зла, —
Эпиръ уже спасетъ, что въ Троѣ ночь спасла.

Или

ДѢЙСТВІЕ II.

Орестъ.

Все рѣшено пеперь, и нѣпъ сомнѣнью мѣсца:
Для Пирра жаръ любви, обѣты—для Ореста!

Герміона.

Мнѣ все равно — и спраспъ его и охлажденье.
 Подвигни Греческихъ Царей на ополченье;
 Пусть водворипся здѣсь рыданіе и спонъ;
Хочу второй узрѣть въ Эпирѣ Иліонъ;
 Спупай, иль скажешъ пы, что я любви под-
 власпна?

Орестъ.

Спупай сама узрѣпъ, коль(*) будепъ меспъ ужасна.
 Или оспанешся залогомъ въ сихъ мѣсцахъ?
 Прелеспный долженъ взоръ разлипъ огонь въ
 сердцахъ.

(*) Частица *коль* спавипся вмѣсто *когда*; но здѣсь она упо-
 треблена вмѣсто *колико*, и попому надобно бы сказашъ
 сокращенно: *сколь ужасна!*

*Пусть ненависть всѣхъ Царствъ противъ него
пылаеть.*

Или

ДѢЙСТВІЕ III.

Орестъ.

. . . . .
. . . . .

Не скрою опъ тебя, Пилладъ, на-единѣ:
Невинность брежнему быть начинаетъ мнѣ;
Врждавный нѣкій духъ вселенной управляетъ,
Подавъ злодѣйству миръ, смиренныхъ угнетаетъ.
На самого меня лишь обращаю взглядъ,
Я зрю, что бѣдспвія мои боговъ винапъ:

. . . . .

Доселъ причинялъ тебѣ печаль жестоку; (*)
Бѣги несчастнаго, предай злодѣя року;
Ты жалоспью прельщенъ, оспавъ меня, Пилладъ,
Среди опасностей въ Эпирѣ ждашь награды,
Неси младенца въ путь, не внемля Трои спону,
Опсель пы удались . . . .

Пилладъ.

. . . . .

Похипимъ Герміону!

Пойдемъ, — съ тобою здѣсь Ахейцы веледушны:
Готовы корабли, и вѣтры намъ послушны.
Я ходы шайные въ чершогоахъ примѣчалъ,
Ты зришь, что въ стѣны бьетъ морской бѣ-
лѣл валъ;

(*) Въ семь стихѣ нѣтъ лица, и попому для ленокспи вмѣсто:
доселъ причинялъ, лучше бы сказать: доднесъ я причинялъ.—

Едва наступилъ ночь, незнаемой стезею
 Приду къ тебѣ въ корабль съ добычею своею.

или:

Андромаха.

Постой! куда спѣшишь? зри, кто передъ побою,
 Хвались побѣдою, пишай въ душѣ воспооргъ,
 Зри Гектора вдову, спенящую у ногъ!

*Не прихожу скорбѣть ревнивыми слезами
 О сердцѣ счастливою твоими красотами.*

Я зрѣла люшою пронзенное рукой
 То сердце, чпо могло дасть съ радостью покой;
 Страсть Гекпоромъ моя была воспламененна;
 На вѣки съ нимъ она въ гробницѣ заключенна.
 Но сынъ, Царевна, мой. . . бышь можешь, при-
 дешь часъ,
 Чпо испытаешь пы, сколь дорогъ сынъ для
 насъ!...

Небесное тебя избавить Провидѣнье
 Вкусишь опъ нѣжныхъ чувствъ жестокое му-
 ченье.

Всѣ радости мои успѣлъ рокъ испребишь; (*)
 Оспалася одна и ной хопяпъ лишишь. (*)
 Наскуча десять лѣпъ шерпѣпъ бѣды вседневны,
 Когда къ Еленѣ меспъ несли Трояне гнѣвны,
 Я въ помощь моего супруга ей звала:
Ты можешь здѣсь, что я надъ Гекторомъ могла.
 Или избавясь бѣдъ, младенецъ спрашенъ нынѣ?

(*) Сии два стиха слабы противъ оригинала, и въ печеніи своемъ имѣють какую-то вялость. —

Позволь мнѣ скрыть его въ невѣдомой пустынь.
 То попеченіе пы возложи на масть,
 И сынъ научился со мною лишь рыдать.

или:

Андромаха (Пирру.)

Помысли, Царь, сколь мнѣ готовишь жребій
 злой? . . .

Я видѣла, какъ жизнь родилель кончилъ мой,
 Какъ воспылалъ черпогъ, свирѣпствомъ сокру-
 шенный,

Какъ пали кровные, мечами пораженны;
 Я зрѣла моего супруга люпый рокъ:
 Влекомый по землѣ, онъ лиль кровавый покъ. . .

Оспались я и сынъ перпѣшь спраданья новы;
 Доселѣ для него дышу, влачу оковы.

Признаюсь, иногда оправдно было мнѣ,
 Твоей рабою бышь, по бѣдспвенной войнѣ;
 (*) Мечпала, сынъ Царей счаспливъ въ несча-
 спной долѣ,

. . . . .

Жестокиль не могли героя почитать;
Я мнила: долженъ онъ духъ кротости питать.
 Будь милосердъ, оставь съ младенцемъ Андро-
 маху,
 Гдѣ созданъ памятникъ супружескому праху:

(*) Вся рѣчь Андромахи къ Пирру преисполнена силы и красошы; превосходные стихи сошпѣшпвуютъ мыслямъ; жаль только, что въ пѣкопорыхъ не достаетъ лица, чѣмъ образованный и правильный вкусъ иногда въ правѣ оскорблялся.

Ты ненависть свою, грусть нашу ушли,
Оставь послѣдню мнѣ опраду на земли.

Или

ДѢЙСТВІЕ IV.

Андромаха (къ Сефизѣ-).

*Надежда всѣхъ Троянъ Сефизѣ вручена;
Помысли, — жизнь твоя для Фригии нужна.*

. . . . .
. . . . .

Младенцу изъясни: кто былъ отецъ, кто дѣдъ?
Спрайся, что бы шель за ними онъ во
слѣдъ; (*)

*Скажи ему, за что безсмертье получили;
Скажи, что сдѣлали, не то, что въ мѣрѣ были;*
. . . . .

Пишая къ праопцамъ безъ гордости любовь;
Онъ крови Гектора,—но онъ послѣдняя кровь. (**)
Чтобъ сохранить ее, въ сей день иду ко гробу,
На жертву принесши истрасть, и жизнь, и злобу!

или:

Пиррѣ.

Не мню, упопреля предлоги въ извиненье,
Завѣсой хитрою сокрышь здѣсь преспу-
ленье. (***)

(*) Слова: *чтобы шель за ними во слѣдъ*, не соответствующи великоси мысли; не приличнѣ ли было бы: *спрайся, что бы онъ или шествовалъ во слѣдъ?*

(**) Онъ крови Гектора — неопредѣлительно и темно; ира- вильнѣ и яснѣ: *онъ кровь есть Гектора.*

(***) Вместо: *завѣсой хитрости.*

*Въ семь трудноль дѣлѣ мнѣ лишь сердце судя;
 Изъ мысля чувствъ моихъ затмитъ словами я.*

Иду съ Троянкой въ бракъ, — признаюсь оп-
 кровенно,

Что сердце ей дарю съ побоею обрученно.

Иной бы возразилъ: родипельская власть

Подъ Троей намъ сію опредѣлила часть,

И насъ не вопрося, къмъ наши чувства спра-
 сшны? (*)

Мы были безъ любви бракъ воспріяшь согласны.

. . . . .

Но пламенная спрасшь насильно бракъ свер-
 шаетъ:

Троянка сердце ей поспылое прельщаепъ (**).

Въ злодѣйствѣ должно ли прѣступника винишь,

Коль совѣсть болѣе удобна говоритъ?

Герліона.

Услыша, Государь, признаніе нелживо,

Хвалю, что о себѣ судиль пы справедливо.

Когда священный узль распоргнушь пожелалъ,

Ты въ прѣступленіе, какъ злой прѣступникъ, впалъ;

*Кто требовать дерзнетъ, чтобъ Царь и побѣ-
 дитель*

*Такъ поступалъ, какъ рабъ, и слова былъ хра-
 нитель?*

Кляпворушеніемъ (***) гордяся, Пирръ, своимъ,

(*) И насъ не вопрося; союзъ И совсѣмъ лишній; лучше бы
 сказаць; *не волпросивши насъ.*

(**) Прилагательное *лостылый*, можно бы исключитъ изъ
 Грагического слога, за вепхосію.

(***) Не споль удачно составленное слово.

Приходишь въ сей черпогъ при мнѣ хвалишь-
ся имъ!

Поправь свяпый обѣщъ, вспупаешь въ бракъ съ
Троянкой,
Забывъ, что обрученъ шоржештвенно съ Гре-
чанкой!

Меня зовешь во храмъ, и вновь лешишь шеперь
Къ вдовицѣ Гектора, Елены презря дщерь!

*Вънчаясь въ очередь съ Царевной и съ рабою,
Пергалу предашь ты Грековъ. Грекамъ Трою,
И покоряся волнующимъ спраспямъ, (*)*

. . . . .
. . . . .

Ты блѣдность моего пришелъ смотрѣть чела,

. . . . .
. . . . .

*Тобою Царь убитъ, покрытый сѣдинами,
Близъ пораженныхъ чадъ, передъ его глазами,
Ты въ грудь Пріамову вонзалъ свой кинжалъ,
Замерзлую отъ лѣтъ оставшу кровь искалъ:
Ты кровью обогрилъ пыляющую Трою,
Ты Поликсену самъ тебею, Пирръ, рукою,
При Грехахъ, къ ихъ стыду, злодѣйски умерт-
вилъ.*

Вотъ подвигъ, коимъ ты безсмертье заслужилъ!

(*) *Волнующимъ*, есть причасіе дѣйствительнаго глагола; но не сказано: кого волнующимъ? Слѣдственно правильнѣе *волнующимся* спраспямъ, ш. е: причасіе страдательное; или: *бунтующимъ* спраспямъ, причасіе средняго глагола.

Герміона.

Я не любила? ахъ! чшожь дѣлала жестокой? (*)
 Прегрѣла для тебя всѣхъ Греческихъ Царей,
 Тебя пришла искать среди земли твоей,
 Измѣну зря, опца здѣсь, медля огорчала,
 Вновь сердца своего обѣповъ ожидала;
 Внимая ропоты сопутниковъ моихъ, (**)
 Къ молчанью паяжкому склоняла часто ихъ.
 Когда къ измѣннику огонь страсти былъ безмѣ-
 ренъ,
 Суди, что было бы, когдабъ ты былъ мнѣ вѣренъ?
 Когда уже ты самъ безъ жалости шеперь,
 Сюда являясь, какъ уязвленный звѣрь,
 Мнѣ возвѣщаешь смерть съ улыбкою коварной,
 Колеблюсь—не люблюль тебя, неблагодарной?
 Но, Царь! коль гнѣвный рокъ уже опредѣлилъ,
 Чшобъ взоръ счастливейшій тебя къ любви
 склонилъ,
 Согласна, въ храмъ иди, избавь лишь опъ {
 печали, } (***)
 Чшобы глаза мои сихъ зрѣлицъ не видали; {
 . . . . .
 . . . . .

(*) Для гармоніи въ произношеніи, нужно бы сказать: Ахъ!
не любила я?

(**) Ропотъ, а не ропоты; и потому лучше былобъ: *внимал
ропотъ я.*

(***) Въ сихъ стихахъ нѣтъ стихотворческаго огня; они ды-
шатъ прозою.

Не хочешь опвѣчать, невѣрный! Вижу ясно,
Мигъ дорогъ, что со мной ты пратишь здѣсь
напрасно.

Твоей Троянкою наполня мысль свою,
Жалѣешь ты съ другой минушу бышь сію; (*)
Съ ней сердцемъ говоришь и ищешь здѣсь гла-
зами.

Поди, бѣги опсель, клянись передъ богами! †
Съ клятвопреспупникомъ я не теряю словъ,
Спулай вновь раздражашъ величество боговъ, †
Знай, покровители мнѣ будущъ сами боги, †
И памянь нашихъ клявъ ихъ огласяшь чер-
поги;

*Лети предъ олтаремъ свою рабу свнчать;
Но Герміону тамъ страшися повстрѣчать!...*

Вошь образцовыя мѣста, взяшыя изъ че-
тырехъ дѣйствій; предѣлы сихъ лишковъ
не дозволяютъ приводить болѣе; любители
изящнаго найдутъ много хорошаго так-
же и въ V дѣйствіи.

Превосходнѣйшіе стихи, въ приведен-
ныхъ мѣстахъ, напечатаны курсивомъ;

(*) Твоей Троянкой, и жалѣешь быть, выраженія Комическія.

(*) Жаль, что въ прекрасныхъ стихахъ, означенныхъ крестничками, повторающае часто слово: боги, хотя и въ разныхъ надеждахъ, но каждый дѣлаеть рѣшму, и пошому чувствительнѣе.

они въ особенноти опличаются отъ другихъ какъ израженіемъ сильныхъ чувствъ, такъ и изящностію высокихъ мыслей, кои въ мастерскомъ переводѣ сохраняютъ все достоинство подлинника. —

И такъ, сколько съ одной стороны любители отечественной Словесности должны быть признательны за усовершенствованіе сего произведенія: столько съ другой могутъ имѣть право спросить, почему переводчикъ не принялъ на себя труда передѣлать всю Трагедію; но сей вопросъ и теперь уже разрѣшается собственнымъ эпиграфомъ егожъ переводчика-Баснописца:

„Что само по себѣ естественнo, прекрасно,
„То вновь перерождать и украшать — опасно.

Вотъ непреложное правило въ Поэзіи, а можетъ быть, и во всѣхъ наукахъ, которое великій Философъ-законодатель 18 вѣка открылъ въ Государственномъ управленіи: *Le mieux est l'ennemi du bien.* — Графъ Хвостовъ встрѣтился въ сей мысли такъ же съ ученымъ Аббатомъ де-Мабли.

Показавъ, сколько можно сильныя и прекрасныя мѣста перевода, должны мы

обращишься къ мѣстамъ слабымъ, и скажешь, въ чемъ состоятъ его недоспапки. — Нельзя не признаваться, что при спрогомъ соображеніи перевода съ подлинникомъ, съ перваго вида кажется, что Переводчикъ опшупаешь опъ Автора; но если, какъ говоритъ Делиль, сличишь переводъ съ оригиналомъ не по частямъ опдѣльно, но совокупно въ цѣломъ; то вездѣ видишь Графа Хвостова съ Расиномъ въ карпинѣ, представленной Ламошпомъ:

Le plus fidèle traducteur
Est celui qui semble moins l' être,
Qui suit pas à pas son auteur,
N' est qu'un valet, qui suit son maître.

При всемъ томъ, почтенный Переводчикъ не могъ избѣгнуть общаго всѣмъ прешкновенія; принесъ и онъ дань, плачущую каждымъ изъ подвизающихся на шрудномъ поприщѣ Словесности: Homo sum, humani nihil a me alienum puto, сказалъ Теренцій. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перевода, и болшею частію въ шѣхъ, кои при нынѣшнемъ изданіи оппались не исправленными, встрѣ-

чающія погрѣшности, которыя не приносятъ славы Лирику и Баснописцу; въ примѣръ сего, кромѣ недоспапковъ означенныхъ звѣздочками выше, замѣшимъ здѣсь другія несовершенства. —

По случаю прежде сдѣланнаго нами разбора одной Трагедіи, замѣчено было, что слово, *Государь*, которое присвоено однимъ только Монархамъ, весьма не кспиапи употребляется въ отношеніи къ другимъ лицамъ. — Сіе самое, въ противность сценическимъ правиламъ, встрѣчается и въ *Андромахѣ*. —

Разберемъ еще нѣсколько страницъ: —

Спр. 3:

Стыдятся, что любимъ въ то время небыль *ей*,
Презрѣлъ ее, забылъ, не говорилъ объ *ней*.

Должно бы сказапъ въ творительномъ падежѣ, любимъ *ею*; ибо *ей*, еспъ падежъ дательный; сверхъ того: *ей*, *ней* — риѣмы сомнительныя; равноѣрно не лзя приняпъ за риѣмы: *Царя* и *я*, какъ сказано на спр. 73.

или спр. 68:

Ореспъ пылаешь *ей*, и, можешь бышь, они . . .

и спр. 72:

Тобою онъ пылаешь.

По Руски говоришя: пылашь любовію къ кому; ибо пылашь можно чѣмъ, а не кѣмъ, ш: е: вещью, а не лицемъ.

Вообще ешь въ переводѣ такія мѣста, гдѣ, за упущеніемъ лица или мѣспоименій личныхъ, наводишя шемнось въ рѣчи, какъ шо: Спр. 16, гдѣ начинаешя явленіе шрепше.

Фениксѣ.

Какъ? свидѣшся послалъ съ Царевною прекрасной?

Пиррѣ.

Я знаю,— къ ней пылалъ любовью прежде спрашной.

Кого послалъ? и кто пылалъ? неизвѣстно.

или Спр. 17.

Пиррѣ.

Желалалъ бышь со мною?

Также невидно, кто желалъ; хопя сею рѣчью начинаешя явленіе чепверпное.

Или спр. 61, гдѣ Орешъ оканчиваешъ свою рѣчь:

Я въ ночь сію, я въ ночь къ нему иду безъ страха.

А Герміона начинаешъ:

Забылъ, чшо вступишь въ бракъ съ нимъ прежде Андромаха!

Здѣсь также не сказано, *кто* забылъ, и переложилъ ясность въ смыслъ тѣмъ болѣе, что Орестъ и Герміона говоряшь о какомъ-то прешьемъ лицѣ.—

Или спр. 49.

Опъ непреклоннаго спрадая долго *взгляду*,
и Спр. 59.

Кто хочешь? объяви! взоръ на меня безъ *гнѣву*.
Глубоко вкоренилъ мнѣ въ грудь вину Цареву.

По правиламъ Грамматики слѣдовало бы сказать: опъ *взгляда*, безъ *гнѣва*; сверхъ того, *взоръ вкоренилъ въ грудь вину*,— очень темно.—

Или спр. 64.

Хотя къ рабынѣ жаръ уже пылалъ безмѣрень;
Спарался, сколько могъ, бытъ Герміонѣ вѣрень,
Царицей чпиль ее, виявъ должности совѣшь,
Произнесенный мной не нарушалъ обѣшь.

Хотя въ первомъ стихѣ очевидно, что жаръ былъ безмѣрный; но въ прочихъ трехъ стихахъ выпущено: *кто* спарался, *кто* могъ, *кто* чпиль, *кто* нарушалъ?

Всѣ шаковыя упущенія въ рѣчи пребу-
ютъ объясненія; ибо ясность есть необходи-
мое условіе и въ прозѣ и въ стихахъ. —
Но должно ли винить переводчика за столь
маловажныя и, можешь бытъ, не-избѣжныя

упущенія? Не подвергнулся ли порицанелю его, въ глазахъ просвѣщенныхъ чипашелей, тому, что прежде сказано было о крипикахъ, осуждавшихъ Грамматическія погрѣшности Расина въ стихъ:

Je n'aimais inconstant, qu' aurais-je fait fidèle?

Въ заключеніе, для пользы Россійской Словесности остаеися вообще замѣнить, что въ Поэзіи нашей допускаются вешавки или часпицы, которыя въ самыхъ лучшихъ стихахъ производящъ шароховатость: сокращенное нарѣчіе *ужь* ни гдѣ не украситъ занимаемаго имъ мѣста, и по сходству своему съ сущесивительнымъ именемъ *ужь*, означающимъ змѣю, заслуживаетъ бытъ изгнаннымъ изъ богатѣйшей области языка Рускаго.

Такъ! остроумный Голдони оправданъ: онъ, разсуждая о древнихъ и новыхъ ученыхъ сказалъ:

*Ciascun di loro è fatto inguisa della nostra
famiglia.*

Графъ Хвостовъ употребляетъ очень мало часпицу *ужь*, даже въ посланіяхъ и басняхъ, которыя обыкновенно пишутся слогомъ посредственнымъ; однакожь въ Тра-

гедіи Андромаха не избѣжалъ сего недоспапка, какъ на спр. 47 явспвуетъ: *И поздно ужь...* Надѣмся, что проповѣдникъ криптики не преминетъ и самъ воспользовашься нашимъ замѣчаніемъ.

Впрочемъ нѣтъ ничего совершеннаго въ мірѣ; и въ чиспѣйшемъ испочникѣ свѣша, въ самомъ солнцѣ, пронцашельное искусство опкрываетъ пятна, можетъ бытъ, и немнимыя; но кто примѣчаетъ ихъ, при полномъ сіяніи величеспвеннаго сего свѣшила?— Можетъ ли пупникъ, пропекающій по лугу, изпещренному цвѣшами, досадовашь на то, когда между безчисленныхъ красощъ, восхищающихъ его душу, представляется ему изрѣдка какое нибудь изсохшее быліе? Вошъ образъ читателя Андромахи въ опношеніи къ спихопиворческимъ ея прелеспямъ, сопряженнымъ съ пріятною живостію выраженій и съ еспеспвенной красощою шрагического слога! Вошъ что значить почерпать изъ самой Природы! Всемогущей, очаровашельной ея силѣ ничто прошивишься не можетъ: *Rien n'est beau que le vrai, le vrai seul est aimable.*

Ф. Синельниковъ.

IV. С М Ъ С Ь.

а) ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЯМЪ НЕВСКАГО ЗРИТЕЛЯ.

Вы желали имѣть собственноручныя письма безсмертнаго Суворова, для изданія оныхъ липографически въ журналѣ вашемъ. Посылая вамъ при паковыя письма (*), очень радъ случаю, что могу предъ пріятелями своими и вообще предъ всѣми уважающими память великаго Полководца оправдать себя въ неупотребленіи доселѣ драгоценныхъ памятникъ, копорые по особливой довѣренности знамениаго родственника и бла-

---

(*) Принося чувспвительнѣйшую благодарность Его Сіятельству Графу *Дмитрію Ивановичу Хвостову*, за столь драгоценный подарокъ нашему журналу, помѣщаемъ оныя письма, весьма искусно Липографически сняшыя, при концѣ сей книжки.

Издан.

годъшеля у меня оспалися. Вы увидите, что одно изъ нихъ, по обыкновенію Суворова, лаконическимъ слогомъ писанное, весьма аллегорическое ошносится еще ко времени Екатерины II, и дѣлу военному. Другое есть о полученіи Царской милости, или по проспу росписка; прешіе не все собственноручное и свидѣтельствуетъ только доброшу души и расположеніе Суворова къ бѣднымъ сосѣдямъ. Я недумаю что бы сказанія на преданіяхъ молвы основанныя, писема безъ свидѣтельствъ испочниковъ и обстоятельствъ, а иногда и не вѣрныя могли что нибудь прибавить къ славъ знаменитаго Мужа, или просвѣтитъ благоразумнаго читателя, и въ доказательство прилагаю въ копіи письмо покойнаго Государя Императора Павла I, при случаѣ вызова изъ деревни и отправленія Суворова къ Италіанской арміи. Оно у меня, такъ какъ къ вамъ посылается, хранилось нѣсколько лѣтъ въ оригиналь, а теперь находишь или у дочери покойнаго, Графини Напальи Александровны Зубовой, или у невѣстки его Княгини Елены Александровны Италійской

Графини Суворовой Рымникской, урожденной Нарышкиной.

Санктпетербургъ.

Февраля 4, 1799 года.

„Сей часъ получилъ я, Графъ Александръ Васильевичъ, извѣстіе о наспопашельномъ желаніи Вѣнскаго Двора, чпобъ вы предводипельствовали арміями его въ Италіи, куда и мои корпуса Розенберга и Германа идупть. И шакъ по сему и при шеперешнихъ Европейскихъ обстояпшельствахъ долгомъ почишаю не ошъ своего только лица, но ошъ лица и другихъ, предложипть вамъ взять дѣло и команду на себя, и прибушть сюда для ошъѣзда въ Вѣну. Пребывая вашимъ благосклоннымъ

ПАВЕЛЪ.“

Подлинное писано и подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою.

Мнѣ случилось видѣть письмо по обстояпшельству сему напечатанное два или три раза въ разныхъ книжкахъ, и совсѣмъ не въ шомъ видѣ. Изъ чего слѣдуешъ, что Историкъ по прошеспіви нѣкопорого времени крайне будетъ запрудипшься о предпоч-

шеніи того или другаго, которое письмо почешь настоящимъ? Два изъ оныхъ преданы писненію современниками, и весьма скоро послѣ жизни Императора и Полководца; а прешіе шеперь предлагаешся. Мы часто разговаривая съ почшннымъ нашимъ Исторіографомъ Карамзинымъ о семъ запрудненіи, и о спраспи, все опносящееся къ знаменистымъ людямъ печашпъ, сожалѣли и удивлялись. Уже выше сказалъ я о лаконическомъ слогѣ Суворова, который основанъ будучи на аллегоріи, болѣе влечешь къ подразумѣванію вещи, нежели показанію буквального смысла; на примѣръ: напечатано письмо сего Мужа ко мнѣ, въ которомъ онъ пишешь, чшобы я берегъ его *деньги*. (*) Сіе на языкѣ Суворова значешь, чшобы были готовы деньги на случай его опправления въ чужіе край,

---

(*) А что касается до покупки деревень, какъ сіе публикѣ очень нужно знашъ, по я объявляю: что Генералиссимъ накупилъ въ разные года болѣе 1500 душъ, а торгъ съ Госпожей Элмановой не состоялся. — См: Жизнь Суворова имъ самимъ описанная, или собраніе писемъ. Москва. 1819 года. Въ Типографіи Селивановскаго. Часть II. стр: 222.

хотя бы волонперомъ. Опы чего не однократно и письмами и приватными записками удерживала его Екатерина II. Еще въ томъ же письмѣ ко мнѣ: *вы меня кормите завтраками*: дѣло въ томъ состояло, что онъ наспопашельно пребывалъ для почести родоваго имѣнія его, находящагося Новгородской Губерніи въ Боровицкомъ уѣздѣ, селѣ Какшанскомъ, Высочайше пожалованнымъ, при послѣднемъ поржесствѣ въ царствованіе Екатерины II Турецкаго мира, шрехъ пушекъ. Посудите сами, Подполковникъ, шапающійся иногда у подошвы Парнасса, и имѣвшій тогда входъ во дворець не далѣе, какъ за Унперь-Офицеровъ Глардіи, долженъ ли былъ отвѣчать за неисполненіе или медленіе воли Императрицы? Г. Сочинитель при изданіи сихъ писемъ объясняя мою нераспоропносшь, не объясняетъ доставлены ли оныя пушки и нынѣ наслѣдникамъ Суворова, равно и золотая медаль, пожалованная за Рымникъ, гдѣ онъ представлень въ одеждѣ Геркулесовой, съ надписью: *побѣдилъ*.

Я охотно повпорю во оправданіе свое, что напечатаніемъ безъ разбора всѣхъ писемъ Суворова, боюся иными нару-

шить довѣренность покойника, которая
 мнѣ и по смерти священна, иными обре-
 менишь общество. Ибо пріятно любопыш-
 ному читателю знать о великомъ Мужѣ все
 то что можетъ дать понятіе о превосход-
 ствѣ его разума и душевныхъ качествахъ, а
 свѣденія мѣлочныя, касающіяся до обстоя-
 тельствъ часто обыкновенныхъ каждому
 въ жизни, едвали, говоря о Суворовѣ и ему
 подобныхъ, могутъ быть пригодны.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

Графъ Хвостовъ.

1821 года.

Марта 27 дня.

б) МУЗЫКА.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА ЛЮДВИГА ШПОРА.

(Продолженіе.)

Теперь скажу шебѣ, л. д., нѣсколько словъ о Лафонѣ, Бальшпѣ, Габенекѣ и Крейцерѣ. — Ежели ты спросишь, который изъ сихъ четырёхъ виртуозовъ наиболѣе миѣ понравился; то я безспорно (въ разсужденіи игры) наименую Лафона. — Скрыпка его опличается усладительными звуками, высочайшею чистотою, силою и прелеспью. Онъ безспорно могъ бы почестьясь совершеннымъ, когда бы съ сими качествами соединялъ глубокое чувство, безъ котораго не лзя сочинить хорошаго Адажіо, ни даже оплично сыграть его на скрыпкѣ. Общій недоспашокъ Французскихъ виртуозовъ. Хотя Лафонъ длиннымъ пассажамъ своимъ умѣетъ придавать блистательныя украшенія; но они идушь всегда довольно холодно. — Адажіо вообще почитается Французскими музыкантами пакъ какъ и публикою за ничтожную часть концерта, и шерпимо только по раздѣленіи двухъ аллегро.

Искусство Лафона ограничивается нѣсколькими пѣсами; онъ по цѣлому году пвердитъ одинъ концертъ прежде нежели съиграетъ его передъ публикою. Похвальный прудъ; но я никакъ бы несогласился подражать оному: ибо чрезъ то умираетъ истинное искусство, и остается одинъ механизмъ.

Бальотъ техническую часть игры своей довелъ также до совершенства; онъ гораздо разнообразнѣе Лафона, и не прибѣгаетъ къ пѣмъ средствамъ, которыми пользуются его соотечественникъ. — Бальотъ кромѣ своихъ композицій играетъ квиншесы Бочерини, квартеты Гайдена и прочихъ. — Смычокъ его пвердъ, богатъ украшеніями; но не такъ свободенъ, какъ у Лафона, и потому игра Бальота менѣе прелестна, и шприхъ смычка нѣсколько касается уха слушателей.

Игра Габенка довольно блистательна; онъ чрезвычайно скоръ въ бѣглыхъ нотахъ; но такъ же шприхи его нѣсколько грубы. Я слышалъ вариаци на двѣ Французскія аріи сочиненія Габенка, которыя игралъ онъ съ удивительною чистотою и легкостію.

Молодой Крейцеръ, братъ и ученикъ извѣснаго виртуоза, имѣетъ въ игрѣ своей превосходный манеръ старой школы, и я увѣренъ, что со временемъ онъ будетъ первымъ изъ Парижскихъ аршистовъ на скрипкѣ. Крейцеру не до-

стаешь физическихъ силъ по причинѣ всегдашнихъ болѣзней, и попому понь его довольно слабъ; но пламенная и чистая игра полна страсти и выраженія.

Славный пьянистъ Мошелесь и Лафонъ давали недавно блиспапельный концертъ въ театрѣ Favart. Виртуозы восхищали своей игрой публику, которая давно не имѣла удовольствія слышать соединенной игры двухъ столь отличныхъ паллнповъ. Мошелесь игралъ варіаціи на тему *au clair de la lune* и фанпазію на тему соч. Гретри. Оба артиста дѣдушь еще четыре вечера въ Парижѣ и отправався въ Лондонъ. Слава Мошелеса, пріобрѣтенная въ Вѣнѣ, Амстердамѣ и Брисселѣ, разпроспранилась и въ Парижѣ. Эшопъ городъ не имѣлъ еще въ спѣнахъ своихъ шакого виртуоза, котораго бы столь совершенная и превосходная игра привела въ энпузіазмъ восхищенныхъ слушателей. Можно сказать, что славный Мошелесь далеко превзошелъ ожиданіе Парижской публики; пламенная увертюра въ *C dur*, которую онъ давалъ въ послѣдующій вечеръ, поразила любителей и знашковыхъ сего искусства. Потомъ слѣдоваль за оною прудный концертъ для фортепьяно въ *Es dur*, игранный Мошелесомъ съ неподражаемымъ искусствомъ. Увѣряюшь, что онъ

при возвращеніи своемъ изъ Лондона посѣпишь Гамбургъ, Берлинь и другія столицы Сѣвера.

в) ОБЪ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРАХЪ.

Театръ Odéon давалъ недавно трагедію соч. Лемерсье : *Брунгольдъ* и *Френегунда* — представленіе копорой въ полной мѣрѣ удовлетворило разборчивый вкусъ знапоковъ театральнаго искусства. — Лемерсье естъ одинъ изъ Французскихъ Поэтовъ, болѣе всего приверженный къ драматургіи Англичанъ и Нѣмцовъ. Со всѣми прелестями романшики, онъ пакже обладаетъ и многими ошибками новѣйшей школы, изъ копорыхъ главная естъ: худая версификація. Онъ кажется не дорожинъ ею въ своихъ пвореніяхъ и между прочимъ доказываетъ, что формы Греческой трагедіи для нашего времени совсѣмъ негодятся. Надѣюся, что смѣлоспъ сего Поэта увѣнчается счастливымъ успѣхомъ, и разорветъ узы наложенныя на Французскую трагедію вѣкомъ Людвига XIV.

(изъ Freymüth.)

Г-нъ Мишо, актеръ : Французскаго театра, соспоаяцій за староспю лѣтъ на пенсіи, получилъ недавно послѣдній бенефисъ свой отъ Дирекціи, копорая давала въ пользу его: трагедію *Британикъ* и комедію *лѣщаникъ во дворянствѣ*, съ балешомъ и аріями. Первые таланшы Па-

рижскихъ театровъ участвовали въ сихъ піесахъ. Въ первой: Тальма и Дюшенуа, во второй: Г-жа Марсъ, въ аріяхъ лучшіе пѣвцы комической оперы: Маршинь, Поншаръ и Г-жа Палляръ. Сборъ былъ чрезвычайно великъ, и сдѣлалъ большое вспоможеніе Г-ну Мишо. Также въ скоромъ времени оный театръ дастъ новое представленіе въ пользу бѣднаго стихопворца С**, которому, вѣроятно, доходъ одного вечера доставитъ содержаніе на нѣсколько лѣтъ. —

Театръ *Gymnase dramatique* вошелъ теперь въ большую славу; двѣ піэсы: *Полковникъ и Секретарь*, и *Поварь* наполнили кассу его большими суммами.

Театръ Водевелей объявилъ Гимназіи непримиримую войну за представленіе одинакаго рода піесъ; и компанія началась представленіемъ на первомъ Водевеля: *Permesse gelée*, котораго сочиненіе приписываютъ Г-ну Толону.

Изъ слѣдующаго расписанія читатели наши увидятъ, что Драматическая Гимназія зборомъ своимъ превзошла доходы всѣхъ Королевскихъ и приватныхъ спектаклей, хотя она считается однимъ изъ маленькихъ театровъ въ Парижѣ.

Сборъ Парижскихъ театровъ въ теченіи Января 1821 года:

Королевскіе.

Académie royale de Musique . . 18,589 франк.

Théâtre français	61,250
Second Théâtre français (Odéon)	25,317
Opera Comique (Feydeau)	59,513
Théâtre italien	29,278

Приватные.

Gymnase dramatique	78,287
Vaudeville	36,217
Variétés	51,328
Gaité	34,249
Ambigu comique	44,456
Porte St. Martin	43,294

Не станемъ упоминашь о прочихъ театрахъ, копорыхъ сборъ въ сравненіи съ упомянутыми былъ незначителенъ.

Лондонъ. Нѣкоторыя изъ здѣшнихъ театровъ имѣють обыкновеніе въ афишкахъ своихъ съ подробностію описывать представляемыя піэсы и выхвалять оныя въ самыхъ спранныхъ выраженіяхъ. Объяснимъ это примѣромъ. Въ Surrey-Theatre *) сего Марша 1 числа, 1821 года, представлена будетъ: новая классическая, мѣологическая, спрашная, комическая, величественная, смѣшная, мело-драматическая бурлешта, вѣрно переведенная съ Греческаго, съ нѣкопорою примѣсью Гальскаго Барбаризма и спарыхъ Англинскихъ Фарзовъ.—Эта піэса, ко-

---

*) Комическій театръ въ Лондонѣ.

шорая помѣшала умы всего Парижа, про копорую день и ночь говоряшь тысячи народа, называется: *Дочери Даная и сыновья Египта* или 50 свадебъ и 49 убивствъ; она писана по правиламъ Греческой трагедіи, съ нѣкопорыми липперашурными отступленіями. — Къ оной принадлежатъ также Прологъ и Комментаріи, безъ копорыхъ трудно понять это необычайное представленіе. Прологъ будетъ произнесенъ Г. Бенгау, комментаріи Г. Фиць-Вилліамомъ. —

Дѣйствующія лица: Безсмертныя, 1 Амуръ, (копорый однакожь умираетъ когда Гименей къ нему приближися) Г. Вайшь будетъ имѣть первый дебютъ въ сей роля; 2 *Гименей* Г. Чапманъ, копорого игра въ удовольствіе публики продолжися нѣсколько недѣль (потому что пѣсы такаго рода играются недѣли три и болѣе, черезъ день). —

Смертныя: Данай, отецъ 50 молодыхъ дочерей Г. Грантъ; 2 Египетъ орѣховаго цвѣшу, пушешествующій Принцъ-Отецъ 50 молодыхъ сыновъ Г. Клиффордъ; — 3 Рысій гласъ (Lynceus вмѣсто Lynceus) сынъ Египта. — Къ тому присоединены также около 30 Греческихъ имянъ, представленныхъ въ превращномъ значеніи. — Главныя декорации суть слѣдующія: 1 Классической видъ большой дороги въ Укебриджъ, 2 Прибытіе парохода и дилжанса; — 3 Являнія на облакахъ Амуровъ и Гименей. 4 Подземное жили-

ще Демоновъ, 5 Пяпъдесяпъ Спалень, 6 Адъ
 „и поля Елисейскія, предспавленныя въ самомъ
 „вѣрномъ видѣ, по руководспву древнихъ клас-
 „сическихъ Авпоровъ. — Однимъ словомъ цѣлое
 „заклучаетъ въ себѣ величественныя, поража-
 „ющія взоры сцены: убивспвъ, эшафоповъ, ви-
 „сѣлицъ и пожаровъ.“

Кто можеть пропивитса сему приглашенію!
 и John Bull *) спѣшитъ за послѣдній пенсъ
 удовлетворитъ свое любопытство. Surrey The-
 atre довольно обширенъ, имѣеть хорошую коми-
 ческую шруппу и посѣщается весьма охотно
 жителями Лондона.—

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ Лангрѣ случилось недавно слѣдующее про-
 изшествіе: Одинъ житель ближняго селенія, про-
 ходя чрезъ лѣсъ, встрѣченъ былъ разбойникомъ,
 который съ пистолепомъ въ рукѣ требоваль
 отъ него кошелька или жизни!—Прохожій пред-
 лагаетъ ему 12 франковъ и разбойникъ, неимѣя
 надежды получить болѣе, довольствуется и ма-
 лою добычей. — Ограбленный, освобождаясь изъ
 рукъ изверга, подходитъ къ селенію и проситъ
 ночлега у одной крестьянки. Она съ удоволь-
 ствіемъ принимаетъ прохожаго, съ тѣмъ усло-
 віемъ, чшобъ онъ согласился ночевать на сѣн-
 никѣ. — Успалый путешественникъ охотно при-
 нимаетъ это предложеніе, и ложится въ назна-

*) Проспый народъ Англискій.

ченномъ мѣспѣ. — Между шѣмъ приходишь мнѣ-
мый крестьянинъ и говоритъ женѣ своей: что
онъ сего дня досталъ только 12 франковъ. —
Поспоялецъ изъ сихъ словъ узнаеть свою соб-
ственную исторію и злой умыселъ: сполкнутъ
его съ чердака спящаго и разбитъ ему голо-
ву дубиною. — Оспорожный гостъ приготавлиетъ
къ оборонѣ и съ полшымъ рычагомъ ожи-
даетъ къ себѣ разбойника. Около полуночи
слышитъ онъ влезающаго къ нему челоѣка и
со всею силою ударяетъ его по головѣ. — Жена
услышавъ паденіе мужа ошибкою принимаеть
его за поспояльца и по условленному знаку до-
вершаетъ надъ нимъ убійство. Поспоялецъ избѣ-
гнувъ щасливо опасности созываетъ по утру
жандармовъ и предаетъ въ ихъ руки жену раз-
бойника. —

Молодая Англинская актриса Вилсонъ своею
красою обратила на себя общее вниманіе.
Въ честь ея выбивають медали; порплеты ея
въ разныхъ костюмахъ украшають многіе мага-
зины и лавки; Герцоги и Лорды у ногъ пре-
лестной ожидають благосклоннаго взора. Много
говорятъ о добродѣтеляхъ ея и цѣломудріи, но
всего болѣе о рѣдкой красотѣ. —

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

IX томъ Исторіи Государства Россійскаго, соч. Н. М.
Карамзина, споль не перпѣливо всѣми ожидаемый, изъ печати
вышелъ и Гг. подписавшимся раздается.

Вот вам, Дмитрий Иванович! Интуитивно
мы употребляем по вашему благоразумию. Эти
их изобретения приспосабливают пера, и обихованная
каллима. Как же так! то С.у. точно замечать,
и.и.и. изобретения вреда сами отдают, все произведе-
ствие ели. А как недовольное. Великая и мно и брате
отзвучите, не изгнаными отъ неохотных Миле
отвечать.

Ивановъ Семеновъ Ивановичъ госмалъ имъ верою Зисъ побрето
вашъ мой брижательной конарб. Зато благодарю прощу во Ригу
или въ сова обратитъ. С. Александръ Рогов - Пилинский.

Дядра. . . . . 20. 1844. года Писа

Дмитрий Иванович! константинопольской
дядра, отставной артиллерейской парсентийской
полковник: изполте видя переименованъ сорок сибирских: 6900
за пашеномъ ретир скардонову Дядра
срещать рубли. Забыть пашеномъ Ошцину купеческой сох' воедин вь бурвину
хизте дядра Мещинъ сибирских. маца аномта Александръ. Визитина
примайте идомъ въ С.П.бурт Упомяну, помещеной руднаго подполковника
оформления Мухомовъ. И.А. Франклинъ С. Рогов Рижский

